

Тайся Пьянкова

Сказки
бабушки
Тайги

*Погрязли мы в лукавости чужой,
Что строит нам рисованные глазки.
Давай, мой друг, омоемся с тобой
В чистойшей иордани русской сказки.*

Таисья Пьянкова

Таисья Пьянкова

Сказки бабушки Тайги

ББК 84 Р 7-4

П 96

Художник

Л.П. Лазарева

Пьянкова Т.Е.

П 96 Сказки бабушки Тайги. – Новосибирск: ООО «Сибирское книжное издательство», 2017. – 152 с., илл.

ISBN

Книга известной сибирской писательницы Таисьи Ефимовны Пьянковой «Сказки бабушки Тайги» знакомит читателей с ещё одной гранью её таланта – с поэтической сказкой. Талант автора, её умение владеть словом, глубина философского осмысления, дарят читателю неповторимое очарование встречи с настоящим искусством, вызревшим в недрах народно-поэтического творчества.

Пьянкова Т.Е., 2017

Лазарева Л.П., 2017

ПРО КОТА

*Моему белому коту Моньке
посвящаю!*

Возле леса, на опушке,
Где росли грибы-волнушки,
Где черёмуха цвела,
Мирно бабушка жила.
Надо молвить (для порядка),
Что неробкого десятка
Эта бабушка была:
Век свой долгий провела,
Ни пред кем лихой минутой,
Будь ты хоть самым Малютой*,
Хоть из кожи вон вылазь,
Не сробела отродясь.

Всё ж года её согнули,
Привязалась седина...
И со временем бабуля
Оказалась вкруг одна.

* М а л ю т а – истязатель, служивший Ивану Грозному.

Навалилась неудоба:
То ломота, то хвороба,
То под ложечкой* тоска,
То кручина у виска...
Не с кем словом обменяться,
Ни спросить, ни посмеяться...
Всюду точка, всюду край –
Хоть до смерти помирай!

Но однажды в чаще тёмной,
Где кикимора** живёт,
Бабке встретился бездомный,
Шелудивый чёрный кот.

Иль блоха его заела,
Иль хвороба одолела?..
Словом, бабушка с собой
Принесла кота домой.
Там сметаной ублажила,
На ряднушку*** уложила.
И сама в потёмках спать
Повалилась на кровать.

Сон у старых ненадёжный –
Неукладистый, тревожный...
Так что ополночь она
Встрепенулась ото сна.
Что же видит?
На подушке,
А не вот те на ряднушке,

* Л о ж е ч к а – солнечное сплетение, желудок.

** К и к и м о р а – в русских поверьях – нежить и мужского, и женского рода, обитающая и в усадьбах, и в лесах.

*** Р я д н о – грубая холстина, ткань из крапивы или конопли.

Чист, как снег под Новый Год,
Отдыхает белый кот!
Да и всё кругом иное –
Прямо царские покои!

Тут старушка поняла,
Что вечер она легла
Ночевать в родимой хате,
А очухалась в палате,
Вся в батистах и шелках,
На сплошных пуховиках!
Да в таком пригожем теле!
– Нешто можно, в самом деле,
Ни за что про что суметь
На пять раз помолодеть?! –
Шепчет бабка. – Эка хилость
На башку мою свалилась!
Вряд ли это всё к добру!
Видно, поутру помру.

В страхе крестится бабуса:
– Ах ты, Господи Иисусе!
Отче наш на небеси,
От греха меня спаси
И помилуй!
Боже правый!
Это, видно, сам лукавый
На меня наводит блажь.
Помоги мне, Отче Наш!

Видит: без толку молиться...

И тогда она – девицей –
Хвать за шиворот кота:
– Это что за маета!

Ты затеял заваруху
Да в мороку ввёл старуху?!

Кто тебя приставил, тать*,
Надо мною мудровать?!
Отвечай сию минуту!
А не то устрою смуту,
Наведу таку беду –
Я тя насмерть изведу!

Видно, с явной перетруски
Взговорился кот по-русски:
– Отпусти меня, прошу –
Я всю правду расскажу.

И поведал, что на свете,
Тут, на нашей на планете,
А не где-то на луне,
Протекает жизнь вдвойне!
То есть –
Две людских породы,
Разнородных от природы,
Очень тесно и давно
Проживают рядом,
Но!
Друг о дружке не тоскуют,
Не мирятся, не воюют...
Никому ни про кого
Не известно ничего.

В столь надёжном помраченье
Есть, однако, исключенье:
Только кошкам да котам
Жить возможно там и там.

* Т а т ь – вор, разбойник.

– А во мне к тому ж подспорье, –
Молвил кот. – У лукоморья
Жил, тому как двести лет,
Мой премудрый прапрадед.
Был он вежей, без сомненья, –
Чудеса умел творить.
Удалось своим умением
Всех потомков одарить.
Я котёнком был смышлёным.
Стал теперь котом учёным –
В разных штуках преуспел.
Потому-то и посмел
Прямиком к тебе, мамаша,
Поспешить с бедою нашей.
Час грядёт! Намечен срок!
Дальше медлить я не мог.

Дело в том, что к нашей Тессе,
К нашей сиротной принцессе
Вдруг посватался Вредин –
Злого царства господин.
И грозит он: в одночасье,
Коль она не даст согласия,
Наше царство покорить –
Всех под корень подрубить!
Утром нынешним, с рассветом,
Он прибудет за ответом.
В этой страшной маете
Нет лица на сироте.

И решил я ночью этой
Постараться до рассвета,
Чтобы страсть уговорить,
Тессу кем-то подменить.

Потому-то в чаще тёмной
Появился я, бездомный,
С лишаями и паршой
Перед доброю душой –
Пред тобой, моя бабуся!
Всей натурою винюсь я,
Что тебя, на склоне лет,
Впутал я в такой курбет*.
Ты прости меня – балбеса!
Но пойми, что в этот час
Горемычная принцесса
Ждёт решения от нас,
Сидя в образе старушки
У тебя, в твоей избушке.
Рада вовсе постареть,
Чем немилого терпеть.

Так позволь тебя невестой,
Молодою, интересной,
Этим утром облачить –
Чтоб нахала проучить!

Только он тебя женою
Перед свадебной толпою
Громогласно назовёт,
Тут же грянет оборот:
На глазах у всей пирушки
Снова станешь ты старушкой,
И, минуто погодя,
Уверяю не шутя,
Безо всякого урона,
Ты опять случишься дома,

* К у р б е т – хитрое дело.

Чтоб по-прежнему, как есть,
Щи хлебать и кашу есть.

Молвит старая степенно:
– Всё продумано отменно!
Только как же тот Вредин –
Злого царства господин?
Вот развеется завеса
Чар твоих – назад принцесса
Возвернётся, что тогда?
А тогда – опять беда!

Будь я, старая, Вредином,
Да к тому же господином,
От насмешки от такой
Я б на вас пошла войной!
Потому отвечу смело:
Не пойдёт такое дело!
Предоставь уж мне самой
Сладить с этой сатаной.
Я такому воропаю*
В миг рога-то обломаю!
Коли нет – твоя печаль...
Но принцессу больно жаль.
Нешто я не понимаю –
Эку лань да в волчью стаю...
Слава Богу – пожила,
Не всегда каргой была.
Лучше заживо в могилу,
Чем покорствовать немилу;
Краше змея целовать,
Чем с немилым пировать.

* В о р о п а й – разбойник, насильник.

Согласился кот:
– Сдаётся,
Ты права, и мне придётся,
Нашу хитрость не губя,
Положиться на тебя.
Но и ты моим стараньям
Окажи своё вниманье –
Уж позволь тогда и мне
Не остаться в стороне.
Что, согласна?
– Да, согласна!

Только-только утром ясным
Солнце на небо взошло,
Словно ветром намело
С неоглядных волостей
Расфуфыренных гостей.

Воют трубы, скачут кони –
Словно рвутся от погони...
Вкруг такая кутерьма –
Впору выпасть из ума.

Что ж бабуля?
Молодая,
Своенравьем изнывая,
В лентах вся и в кружевах,
Утопала в зеркалах.

Няньки-мамки в изумленье:
– Это что за воспаление?!
То была, как снег, бела,
То, как роза, расцвела.

Вот уж истинно ведётся:
Тот, кто в девке разберётся,
Кто каприз её поймёт –
До зари не доживёт!

Вдруг! Затишье по народу.
Смотрят гости на дорогу,
А по ней Вредин верхом
Прёт на хряке* женихом!
Знать, у вора за обычай
Не блюсти людских приличий.

Но не в том лишь оборот,
Кто кого верха везёт.
Настоящая потеха
До слезы, а не до смеха...
А потеха тут как тут:
Даже черти упадут
От такой тоски в проруху,
Даже старую старуху
Поведёт на все греха
От такого жениха:
Рожа тыквой, уши маком,
Плешь сияет, как под лаком,
Нос – пехотным тесаком**,
Рот – последним дураком!
А живот!
А руки-ноги!
Описать – не хватит сил...

Нашу бабку на пороге
Чуть кондрашка*** не хватил!

* Х р я к – боров.

** Т е с а к – секира, топор.

*** К о н д р а ш к а – припадок.

Но! Бабуля молодая,
Тошноту перемогая,
Перед гостем – во дела! –
Вся любовью изошла.
Вроде столь тоской томилась,
Что от счастья прослезилась.
Изумился даже кот:
– Ну и шельма! Во даёт!

А жених?
Не зная толком,
Что случилось,
Только-только
Не запляшет выходных* –
На ногах-то на кривых!

Ах ты, Господи помилуй!
Прямо сделался дурилой:
Плешь парит, в коленях дрожь...
Говорит:
– Проси, что хошь,
Разлюбезная невеста.
Не сойти мне шагу с места,
Ради скорого венца
Всё исполню до конца!

Молвит мнимая принцесса:
– Ах, угодник! Ах, повеса!
Мне тебя, мой жаркий сон,
Долго мучить не резон.
Но коль дал ты обещанье,
То всего лишь три желанья,

* П л я с к а с в ы х о д о м.

Без увёрток и нытья,
Ты исполнишь, лань моя!

Если выполнишь, конечно,
Всё загаданное мной,
Тем же часом и навечно
Стану я твоей женой.

Если ж нет! –
Свою планиду*
Не прими тогда в обиду –
Рок не спрячешь в закуток**:
Вот те Бог, а вот порог!

– Рад служить!
– Ну, если рад –
То доставь меня ты в ад!

Даже кот такой загадки
Не задал бы без оглядки.
Но не время пасовать –
Время старой пособлять.
Потому он ухмыльнулся,
Белым телом потянулся,
Замурлыкал,
А потом
Злобным сделался котом:
Хвост трубой, спина излукой!
Трижды фыркнул, замяукал...
В раз один, в момент один
Стал антихристом Вредин!

* П л а н и д а – судьба, рок.

** З а к у т о к – кладовка, чулан.

Тут невеста-непустиха
На него вскочила лихо,
Саданула под бока
Так, что дьявол в три прыжка,
Не запнувшись на ходу,
С нею выскочил в аду.

Это что за представление:
Нет ни чаду, ни кипенья,
Ни чертей, ни чертенят...
И, куда ни кинешь взгляд,
Равнозначная картина:
Лишь осенняя равнина,
По которой там и тут
Строим грешники идут!
Все как есть одной породы:
Не красавцы, не уроды,
Не белы и не черны,
Не смешливы, не смурны,
Не худы и не дородны,
Не дурны, не благородны,
Не юнцы, не старичьё,
Не бабьё, не мужичьё...
И,
Насколько виден свет,
Всё одето в серый цвет!

Тут воскликни бабка юно:
— Вот коммуна, так коммуна!

Что заладилось кругом:
Занялся вселенский гром!
На равнине всё, что было,
Одинаково завывало,

Одинаково взялось
Выбивать зубами злость,
Одинаково ломиться,
Одинаково грозиться,
Одинаково желать
Завладеть и разорвать!

В одинаковой докуке*
Одинаковые руки
Подались в пылу страстей
До непрошенных гостей...

Ложный дьявол с перепугу,
Позабывши про подругу,
В ноги грешникам упал
И дурниной заорал...

Бурей вспенилась равнина,
И с невестою Вредина
Ветром вынесло назад,
Где жених три дня подряд
Безъязыким оставался –
Только за сердце хватался...

День четвёртый прилетел –
Вновь жениться захотел.

Но невеста снова – в гору:
– Не-е-ет! Давай по уговору –
Без увёрток доставляй
Ты меня немедленно в рай!

* Д о к у к а – неотступность, хлопоты.

Кот, как прежде, ухмыльнулся,
Ленно телом потянулся,
Замурлыкал,
А потом
Стал задиристым котом:
Хвост трубой, спина излукой!
Трижды кряду замыкал –
Тем же разом, в миг один
Стал архангелом Вредин!

А невеста? – знала место:
Очень шустрая невеста!
Жениху под дых дала
Так, что тот во все крыла
Взвился в небо...
Ну, орё-о-ол!
Дух в раю лишь перевёл.

Боже правый! Эко диво!
Всё в росе, как от полива!
Каждой каплей брызжет свет!
Ни жары, ни гнуса нет!
Хоть никто не жнёт, не косит,
Всё цветёт и плодоносит:
Там малина, тут шпинат,
Там маслина, тут гранат!
Вишня, яблоки, орехи,
Ананасы для утехи,
Виноград и абрикос,
Там черника, тут кокос...

А святые-то, святые –
Чисто мёдом налитые!

В свежих фиговых листьях
Сплошь лежат на облаках.
Им не жёстко и не колко...
С чувством отданного долга
То поспят, то попоют,
А потом жуют, жуют...

Все до капельки похожи:
Одинаково пригожи,
Одинаково толсты,
Одинаково чисты,
Все радушны, безусловно,
Все подушно, поголовно
Одногодки средних лет –
Никаких иных примет
Нет!
Приятно, не приятно –
Воля Божья!
И понятно:
Этот благостный бедлам
Переделывать не нам.

Всё бы ладно, да к несчастью
Поднялось подобострастье:
– Ах, ты!
– Ох, ты!
– В наш удел
Сам Архангел прилетел!

Обитатели покоя
Вытворять взялись такое! –
Враз Врединовы крыла
Исключавили дотла,

В раболепном исступленьи,
Поцелуями смиренья.

От таких пристойных дел
Наш Вредин отяжелел
До того, что свод небесный
Под его ногами треснул!
И конечно, в миг один
Оземь хряснулся Вредин
Так, что встал не сразу с места...

А невеста?
Что невеста?!
Оглядела все бока –
Не нашла и синяка.

У Врединовой постели
Три недели пролетели –
На четвёртую опять
Стал он бабку охмурять*.

Ну и нехристь!
Право слово:
Что настырного, что злого,
Жизнь покуда не проймёт,
Даже Бог не повернёт!

Затвердил одно:
– Женюся!!!
Что же юная бабуса?
Говорит:
– Женись! Давай!

* О х м у р я т ь – ухаживать, уговаривать.

Но сначала света край,
Чтоб вперёд не знать раздору,
Мне представь по уговору.
Вот тогда, милоч, ей-ей,
Тут же стану я твоей.

Уговор дороже денег!
Обещание – не веник:
Не закинешь на полоч,
Не поставишь в уголок.

Но Вредин являет норов:
Дескать, хватит уговоров!
Обскакал я ад и рай –
Край земли ей подавай!
Ты чего там потеряла?
Иль в тебе понятия мало –
И без края-де вконец
Упластался молодец!

Но принцесса без каприза,
Словно крыша без карниза.
Отвечает:
– Не-ет, жених, –
Не объедешь на кривых!
И не лезь напрасно в гору –
Всё пойдёт по уговору.
Хоть душа из тела вон:
Слово царское – закон!

Но коль терпишь ты тревогу,
Что обратную дорогу
С перепугу не найдёшь

Или сдуру пропадёшь?
То тебе твоя невеста,
Не сходя и шагу с места,
Взявши волю над тобой,
Предоставит край земной.

Кто тут правый, кто неправый?..
Что упрямый, что лукавый:
Тот кольцом, а тот концом;
Тот концом, а тот кольцом...
Словом,
Сколь Вредин ни бился,
А с невестой согласился:
— Ладно! Здесь, а не вдали,
Подавай мне край Земли!
Коль представишь в полном виде,
Я останусь не в обиде:
Хоть до смерти, хоть потом;
Хоть конюшим, хоть шутом,
Хоть невольником, хоть в дружбу,
Обязуюсь править службу!
Если ж нет — меж нами счёт
Пусть пойдёт наоборот!

Тут в ответ и прозвучало:
— На себя теперь пеняй!
Где стоишь, там и начало;
Где начало, там и край!
Вот и вся моя побаска!
А теперь пришла развязка,
Распрекрасный удалец, —
Всем грехам твоим конец!

Я томить тебя не буду –
Исполняй мою причуду!
Был ты прежде господин,
Стань же ныне, мой Вредин,
Ни оплотом, ни надёжей,
Ни слугою, ни вельможей,
Ни конюшим, ни шутом –
Чёрным ласковым котом!

Подмигнув хитро Вредину,
Коромыслом выгнув спину,
Потянулся белый кот,
Ухмыльнулся белый кот –
Всю округу, как сном неожиданным,
Затянуло, как туманом...

Бабку, словно в пустоту,
Окунуло в темноту.
И
Опомнилась старушка
На заре в своей избушке.

Удивляется спросон:
– Прямо чудо, а не сон!
А когда глаза воздела –
Вовсе чуть не окосела,
Изумлением взята:
Та избушка, да не та!

Брёвна ровными рядами,
Печь покрыта изразцами,
Что посуда, что ковёр –
Словно куплены вечёр!

А сама! Скажи на милость,
Ровно только народилась:
Светит молодостью взгляд,
Руки-ноги не болят,
Ни одышки, ни ломоты,
Ни изжоги, ни тошноты...

На подстилке чёрный кот.
Кот-то чёрный, да не тот!
Здоровенный да брыластый*,
Криволапый да ушастый...
Водит задранным хвостом,
А мурлычет всем нутром!
Блещет каждою шерстинкой!
А уж ласковый скотинка...
Чудо чудное – не кот!

Так-то вот!

* Брыластый – мордастый.

НЕБЫЛИЦА О КНЯЖНЕ ДА О СТАРОМ КОЛДУНЕ

Незапамятно порою,
Вековухой ли, вдовою,
У поскотины села
Мирно бабушка жила.
Коли верить говорухам,
Эта самая старуха
До того любила спать –
Аж прогнулася кровать.
Если ведьма не храпела,
Значит пакостное дело,
Изуроку или сглаз,
Затевала всякий раз.

Люди бабку не любили –
Лихолетье ей сулили.
Но пока она спала,
Поправлялися дела,

И миряне меж собою
Лишь качали головою,
Как ведётся исстари:
Дескать, чёрт тебя дери!

Шла ещё другая бредня,
Что когда-то эта ведьма
Не была такой страшной,
А была она княжной,

Не хромой, не кривобокой –
А и стройной, и высокой;
В пояс белая коса,
А глаза что небеса.

Ходят слухи и поныне,
Что она своей гордыней
Всю красу свела на нет.

Было ей шестнадцать лет,
Но ни с кем душа девица
Не желала обручиться.

Уж кого она ждала?
Только выбрать не могла,
Ни за деньги, ни за славу,
Жениха себе по нраву.

И, представьте, дождалась:
К ней не витязь и не князь,
Не купец явился сватом,
А старик предстал горбатый,
Что не только лешим был –
Колдовать ещё любил!

Он, своей дурной повадкой,
На красавиц больно падкой,
Не пошёл к её отцу,
А предстал лицом к лицу,
Да ещё ночной порою,
Перед сонною княжною.

Как увидела она
У постели горбуна,
Поначалу ужаснулась,
А когда совсем очнулась
Да смогла минут за пять
Суть явления понять,
До того развеселилась,
Чуть от смеха не сказалась*.

А колдун из-за спины
На четыре стороны
Поплевал, пошёл юлою,
Ухнул стреляной совою.

И с княжной случился стих:
Прямо в обморок бултых!

Скоро-нескоро очнулась,
Видит,
Дело повернулось
К ней дурною стороной:
До того каргой страшной
В зеркалах своих узрела –
Чуть совсем не околела!

* С к а з и т ь с я – сойти с ума.

Но уж коль не померла,
Из хором тайком ушла.

Долго ей пришлось скитаться.
Всё ж смогла она пробраться,
Под конец последних сил,
В те края, где леший жил.

Там она в худой избёнке
Поселилась старушонкой
И взялась, ему под стать,
Злую силу познавать!

А коль с нечистью схлестнулась –
Не на шутку развернулась,
Очень бойко разошлась –
Прямо бойня началась!

Лешака её опала
Так порою донимала,
Что ему не по себе
Стало жить в её злобе.

Вот тогда лешак дознался,
Что старухе сон достался,
Где была она другой:
Не беззубою каргой –
Раскрасавицей былою:
Светлолицей, молодою;

Оттого бабуля, зная,
И любила долго спать.

Леший долго не возился –
Водяным преобразился

И болотным слизняком
Заявился к бабке в дом.

Да обстроил так умело
Им задуманное дело,
Что карга, на пятый кон,
Просадила в карты сон.
Ту ли грёзу проиграла,
Где княжной она бывала.

А колдун, войдя в кураж,
Прибежал к себе в шалаш,
Что таился в том наделе,
Где и птицы не галдели,
Где не хаживал медведь,
Где комар не смел гундеть...
Поплевал, пошёл юлою,
Ухнул стреляной совою
И

Задумок удался:
Сон девицей поднялся —
От колдуньи отделился
И княжной оборотился,
А седая несуразь
Так с каргой и осталась.

Вроде выдалась удача.
Но случилась незадача:
Дева прежней красотой
Появлялась с темнотою,
А с заутреннею дымкой
Становилась невидимкой.

Рад бы выправить лешак
Неожиданный просак.
Но его лихое дело
Сил попятных не имело.

И тогда княжна тайком
Лешев кинула укром.
Не сказала, не спросилась —
В ясной зорьке растворилась,
Но осталась жить в тайге —
От врага невядалеке.

А каргу, как мухи злые,
Стали жалить сны дурные.
По причине таковой
Ведьма трижды стала злой!
И, при всякой насторожке,
Перекидывалась кошкой —
Не какой-нибудь цветной,
А как сажа — смоляной!

Как злодейку не страшиться?! —
Мало — только не тигрицей
Поднималась эта страсть!
А что силою бралась
Да ухваткою такою —
Не заслонишься рукою!
Без кнута или плети
И во двор не выходи!

Мужики коней порою
Не пускали к водопою,
А в ночное выгонять —
И не смели поминать!

Но при всём при том на деле
Лишь чесались да гундели:
– Образуется авось,
Кабы хуже не пришлось!

А когда об этой сваре
Доложили государю,
Тот подумал, позевнул
И на всё рукой махнул –
Де не царско это дело...

А старуха обнаглела...

Сторожась её проказ,
Во дворце и то подчас
Караул стоял в заботе...

Вот однажды, на охоте,
Ведьма смела сигануть
Ко царевичу на грудь!
Да лапищей такхватила –
Ладно в глаз не угодила!

Мы-т циклопом поглядим,
А царевичу кривым,
Прямо скажем, несподручно
Оказаться,
Потому что
За наследным царством впредь
В оба надобно глядеть!
Если с ведьмой попускаться,
Не хитро кривым остаться!
И царевич Ларион –

Так по святцам звался он –
Дал коню такого ходу –
Ветерок разыграл погоду!
Вся его дружина враз
За спиною осталась!

А косматая чертовка,
Со сноровистой издёвкой,
Злом царевича пьяня,
Так и лезла под коня:
То подскочит, то взовьётся,
То змеей в траве метётся,
То исчезнет, то опять
Начинает донимать...

И не сладить с той чесоткой
Не копытом и не плёткой –
Столь извивиста она,
Будто вихрем создана.

А вокруг той канители
Всё темней вставали ели,
Сыч грознее хохотал,
Ворон громче рокотал...

Наконец царевич сдался –
Словно с дерева сорвался
На таёжный на настил,
Где глубоким сном почил
Без понятия, без догадки,
Что его таким порядком
Затолочила карга
Прямо в логово врага,

О каком ни сном, ни духом,
Ни прикидками, ни слухом
Не имел понятия он —
Цесаревич Ларион.

По тайге ж колдун скитался,
Знать, княжну сыскать пытался.
Вот и видит нелюдим:
Сам царевич перед ним,
Во пригожестве и силе
Спит, как будто подкосили.
Рядом конь его стоит —
Сон хозяина хранит.

Нечисть, даже не потея,
Понял бабкину затею.
Если б кровь кипела в нём,
То лицо б взялось огнём.

Но коль нежитью он сбылся —
Ажно зеленью покрылся,
Мхом подёрнулся со зла!
— Ах ты, старая метла!
Затеваешь колобродье,
Чтобы царское отродье,
Ночью, встретившись с княжной,
На меня пошло войной?!
Где ж те взять такую хватку,
Чтоб меня да за сопатку,
Словно цуцика, таскать?
Век такому не бывать!

И любитель посчитаться,
Продолжая надрываться
Непомерной тягой зла,

Завертелся, что юла,
Заорал совой до звона...

И на месте Лариона
Перед ним в короткий миг
Закипел живой родник!

И хотя лешак отроду
Не терпел живую воду,
Помня матери завет,
Что ему немалый вред
Принесёт вода такая,

Всё же страх перемогая,
Он не мог унять искус:
Какова вода на вкус?

А пока он примерялся,
Чистой влагой наполнялся,
Выбиваемый струёй,
Водостойник небольшой.

Наконец лешак решился —
Над источником склонился
И в показе чистоты
Стужей схваченной воды
В первый раз узрел нечистый,
До чего ж он неказистый!

Новой злобою его
Передёрнуло всего.

От натуги зеленея,
Он, с ухмылкой Кащея,
На четыре стороны
Поплевал из-за спины,

А затем пошёл юлою,
После стреляной совою
Ухнул по-над скакуном.
Тот свалился валуном –
У ключа лежать остался.
А колдун домой подался,
Как заправский правдолюб,
Повторяя:
– Зуб за зуб!

Кабы ведал старикашка,
Чем грозит ему промашка,
Та, что только сотворил,
Он бы так не воспарил...

Дело близилось к обеду.
Не по тропке, не по следу –
Бродом* правила она –
Неторопкая княжна.
И никто б на белом свете
Этой девы не приметил –
Только лёгкий ветерок
У её кружился ног,
Только ёлки за плечами
Тихо ветками качали,
Да тетёрки иногда
Поднимались из гнезда...

Вдруг увидела девица:
Родничок живой струится!
А не дале как вчера
Голубика тут цвела.

* Б р о д о м – здесь – шла травами напрямик.

Ладно – ключ!
Вопроса нету –
Знать, давно стремился к свету
Этот радужный поток.
Но откуда валунок?

День парит – живой водицы
Почему бы не напиться,
Коль чиста вода до дна?
Наклонилась княжна
Да внезапно отшатнулась,
А затем опять нагнулась.
И в потоке чистоты
Ставшей зеркалом воды,
Хоть поверить не посмела,
Добра молодца узрела!
Да такого, что как раз
Сердцем так и занялась!

Тут опять родник забился –
Милый образ растворился.

Приздумалась княжна:
Чья тут жизнь погребена?

Но догадка не успела
Прояснить лихого дела:
Вдруг наполнился урман
Не набегом басурман,
Не пожаром, не грозой,
А охотою борзою.

Беспокойствием горя,
Суется егеря;

Страхом, словно паром в бане,
Задышаются дворяне;
У псарей да загонял
Ровно кто язык отнял...

В суете невероятной
Всё неясно, всё невнятно.

Да, однако же, княжне
Догадалось вполне,
Что царевича в урмане
Ищут потные дворяне,
Что его, в припадке зла,
Ведьма в дебри увела.
Как теперь к царю явиться?!
Каждый до смерти боится,
Что за такую стать
Можно дыбу схлопотать!

Унеслась в тайгу охота.
А княжна своей заботой
Поспешила в зелена*.
И уже на склоне дня
В нетерпении стояла –
Тайно бабу поджидала,
Чтоб не сном явиться ей,
А воочью – без затей!

И явилась, и предстала –
Все неясности узнала:
Чтобы козни прекратить,
Надо только окатить
Колдуна живой водою.

* Зелена – молодой сосняк.

Но для этого собою,
Не в ночи и не во сне,
Нужно стать самой княжне!

А чтоб днём собой являться,
Нужно будет постараться
От кого-то сон принять
Да старухе передать.
Но чтоб дело, безусловно,
Сотворилось полюбовно:
Без вранья, без колдовства –
Только силой естества!
Будет ей тогда по силам,
Хоть кунаньем, хоть поливом,
Как букашку с кочана,
Смыть злодейство с колдуна.

Как солдаты на границе,
Для чего, куда явиться, –
Обо всём карга с княжной
Сговорились меж собой.

Царь-владыка утром ранним,
Пробудясь в опочивальне,
Был известьем удивлён,
Что не прибыл Ларион.
Вся как есть его охота
Не вернулась,
Хоть ворота
На восход и на закат
До сих пор враспах стоят.

Царь подумал и в итоге
Не велел трубить тревоги,

А сказал:
– Наследник мой,
Знать, охотою ночной
Позабавиться надумал.
Потому не надо шума.
И помыслил под конец:
«Как прибудет сорванец
От забавы ко двору,
Тут же уши надеру!
Вот паршивец – не женился,
А уже от рук отбился!
Я те укажу, бунтарь,
Царь я тут или не царь!».

В этот час лесной дорогой
Оленухой быстроногой
Шла девица во дворец,
Где пока что царь-отец
О беде своей не ведал.

Вот надёжа отобедал
И, свалившись на кровать,
Собрался чуток поспать,
Чтоб со свежей головою
Управлять потом страну.
Но угодливый Морфей*
Не успел его очей
Занавесить сладкой дрёмой.
Слышит голос незнакомый
В глубине палаты царь:
– Спать не время, государь!

* М о р ф е й – в греческой мифологии бог сна.

Посреди сырого бора
Твой наследник и опора –
Цесаревич Ларион
Злою силою пленён!

Царь-надёжа с перепугу
Подхватился звать прислугу.
Только вновь услышал он:
– Цесаревич Ларион
Злою силой колдовскою
Стал теперь живой водою.
Из-под камня родником
Бьётся он в лесу густом!

На колени царь свалился –
Торопливо закрестился.
Да опять услышал он:
– Цесаревич Ларион
Человеком возродится,
Если кто-то согласится
Без приказов пожелать
Навсегда свой сон отдать –
Пусть он к западным* воротам
В полночь выйдет доброхотом.
Горе, если до ворот
Благодетель не придёт!..

Только голосу не стало,
Тут охота прискакала.
Видят: царь лежит без сил,
Вроде как удар хватил.

* Западны е ворота – подъёмные, перекидные.

Языком едва владеет –
То трясётся, то потеет!
Прямо непогодь в крови –
Хоть соборовать зови.

Но до вечера продуло –
На погоду повернуло.
Вот собрание, наконец,
Созывает царь-отец
И при всём народном сходе
Таковую речь заводит:
– Глас мне был,
Поведал он,
Что царевич Ларион
Злою силой колдовскою
Стал теперь живой водою!
Из-под камня родником
Бьётся он в лесу густом.
Вновь свободу он спознает,
Если кто-то пожелает
Ведьме злой свой сон отдать,
Да чтоб больше не пенять!

Тот, кого проймёт охота,
Должен к западным воротам
Подойти сегодня в ночь –
Ко двенадцати точь-в-точь.

Поднялась в народе смута:
Всяк на слове рад как будто,
Чтоб царевича поднять,
Душу вынуть да отдать.
Только кто-то отчего-то
Встал к царю вполоборота;

Кто-то вдруг по самый край
Нахлобучил малахай*;
Тот на вече** так стремился,
Ажно пояс распустился –
Надо срочно, стало быть,
Этот пояс закрутить;
У того в кармане новом
Просочилась дырка...
Словом,
Мечут жемчуг из пращи –
Да поди-ка поищи!

Всякий до смерти боится –
Вдруг навеки сна лишится!
Страшно!
Боже упаси
Жить без дрёмы на Руси!

Сознавал и сам владыка,
Что в строку – не всяко лыко...
Хошь не хошь, царю пришлось
Положиться на авось.

Но чтоб новою загадкой
Не страдать,
Решил украдкой
Глянуть:
Кто ж горазд рискнуть
На свой сон рукой махнуть?

Время к полночи катится –
Царь прислугою рядится

* М а л а х а й – шапка.

** В е ч е – собрание.

И тихонько, словно вор,
Покидает царский двор.
К воротам тайком подходит,
Но не видит, не находит
Он в полуночной тиши
Ни одной живой души.
Лишь в пруду лягушки квачут,
Лишь вдали куранты плачут –
Тем часам сегодня, знать,
Страшно время отбивать.

И не зря их жуть томила:
Только полночь отзвонила,
Тут внезапно пред царём
Встала кошка дыбарём!
Гибким телом потянулась –
Чёрной бабкой обернулась,
Прошипела:
– Царь-отец?!
Сам явился?!
Молодец!

Тем же временем-порою
Леший брёл лесной тропою:
Иль нечистых задирает?
Иль поганки собирал?
Словом, был горбун в заботе...

Только вдруг на повороте
Перед взором колдуна
Обозначилась княжна.

Уж какая тут забота?
Лешака взяла охота:

Пусть погибель отыщу,
Но своё не упущу!

Как он думал ухитриться
Завладеть красой-девицей,
Коль собой она была
Только видимость одна?
Всё ж он взялся надрываться —
О коряги спотыкаться...

Так девица старика
Довела до родника.

В тот же миг, страшнее беса,
Чёрной молнией из леса,
Нетерпением горя,
Кошка вынесла царя!
Он сидел, по доброй воле,
На хребте, как на престоле,
И спустился с «лихача»
Лишь у самого ключа.

Ведьма, зная, пока скакала,
Верховому рассказала
О себе, да о княжне,
Да о старом колдуне,
Да о том, что ровным счётом
Ночью к западным воротам
Набежало молодцов —
Уйма!
Только храбрецов
Ею посланная сила
В летунов оборотила —

Пусть в обличьях комарья
Поснуют до Чигиря*.

Вишь, карга не пожелала
В сон пускать кого попало:
Если ей княжной не стать,
Так хоть царским сном поспать!

Как увидел царь-надёжа,
До чего княжна пригожа,
Пожелал не только сон –
Ай, себя отдать в полон!

Лишь была бы сыну рада
Стать женой такая лада
Перед светом алтаря
И невесткой для царя!

Потому, без промедленья,
За единое мгновенье
Царь-отец лишился сна,
Чтоб красавица княжна
Им старушку улестила.

Тут неведомая сила
Вихрем бабку подняла,
Закружила-понесла
Во избушку;
На подушку
Уложила спать старушку...

* Ч и г и р ь – утренняя звезда Венера.

До сих пор бабуля спит –
Пусть судьба её хранит!

И злодея та же сила
Подцепила, закрутила...

Но припало колдуну
Прихватить с собой княжну.
Он, что ястреб, изловчился –
За девицу ухватился,
Приподнял,
Но вместе с ней
Так и ухнулся в ручей!
Вишь ли – девица успела
Обрести живое тело.

Что тут случилось!
Брат ты мой!
Словно кто-то головнёй
Кинул в воду из залесья –
Пардохнул до поднебесья,
А за ним взвилась волна –
Смыла напрочь колдуна!

В тот же миг родник иссякнул,
Конь живой уздечкой звякнул,
И восстал под этот звон
Цесаревич Ларион!

Тут же, вместе со княжною,
Он склонился головою

Пред царём:
– Благослови
Жить в законе и любви!

Ох, и свадьба разыгралась!

Я бы тоже там осталась,
Но случилась благодать
Эту сказку написать.

ЦАРЬ МАТВЕЙ ДА КНЯЗЬ АГГЕЙ

Строгая сказка

е сказать, какого года
Жил на свете воевода,
Тот, что с самых малых дней
Величался князь Аггей!
Был он статный сам собою,
Жил надёжною семьёю,
От свершенья ратных дел
Уважение имел.

Царь Матвей,
Хотя коварством согрешал,
Но государством
Дорожил
И оттого,
От дохода своего,
За надёжные границы

Часто даривал сторицей*
Воеводу.

И Аггей,
В тороватости** своей,
Проявлял ко всем участие:
Кто впадал судьбой в ненастье,
Он надёжностью дарил.
И народ его любил.

Но желаннее награды,
Краше всяческой отрады
Для него была одна –
Раскрасавица жена!
Не прошло от свадьбы году,
Как обрёл себе в улогу
Князь от венчанной своей
Двух добротных сыновей!
И от этого надела
Счастьем не было предела!
Так, за месяцем годок,
Пролетело лет пяток.

Но на счастье,
Кто ж не знает,
Часто зависть нападает
И разит его порой
Хуже язвы моровой!
А поскольку воевода
У соседей-сумасбродов
Недовольство вызывал

* С т о р и ц а – стократ.

** Т о р о в а т о с т ь – щедрость.

Тем,
Что воли не давал
Над родной землёй глумиться,
Их Король решил добиться,
Чтоб в своей стране Аггей
Впал в немилость поскорей,
Чтоб его, как супостата*,
Царь-Матвеева расплата
Развенчала навсегда...

Надо ж!
Именно тогда
Угроздило владыку
Взять постельником** Лалыку –
Так боярина Квашню
Люд прозвал за болтовню.

Небылицы да подвохи
В нём плодились, ровно блохи.
Тем он, честно говоря,
И снискал любовь царя.
Словно липкою холерой,
Царь к нему проникся верой.
Знать, правителю –
Эхма! –
На мозги легла зима.

Как прознал Король соседний
Про постельниковы бредни,

* С у п о с т а т – человек неверный.

** П о с т е л ь н и к – боярин, который приставлен был смотреть за опочивальней государя.

Тут же, целясь на скандал,
Он к Лалыке подослал
Стародавнюю ведунью –
Ворожею и колдунью,
Что могла в любую стать
Самоё себя менять.
Да к тому же волховица
Так умела раздвоиться,
Что являлась по делам
В миг единый тут и там.

Повелел Король продрыге*:
– Ты направь свои улики
Так, чтоб спальник наповал
Князь-Агтея оболгал.
Коль исполнишь повеленье,
То, не медля ни мгновенья,
Я тебя –
Зарок даю –
Княжьим чином одарю!

Чтоб обещанному сбыться,
Ведьма в сырную** седмицу
На приёмах у царя
Воссияла как заря,
Во дворец явясь в личине
Самаркандовой шахини, –
Чем придворный карнавал
Обаяла наповал!

Не хитро лихое дело:
Ведьма разом овладела

* П р о д р ы г а – ведьма, колдунья.

** С ы р н а я – масляная неделя.

Послушаньем мозгляка*.
Подольстив ему слегка,
Чтоб скорей достичь скандала,
Вмиг Лалыке нашептала:
От тебя-де без ума
Государыня сама!

И как будто от царицы,
Дуроплёту волховица
Деловой даёт наказ:
Для отвода липких глаз
Чтоб он князем обрядился
И потёмками явился
В дальний присад**.
Допоздна
Любит Матушка одна
Там бродить туда-обратно
Да мечтать ежезакатно –
Этот поздний «моцион!»
Дарит ей глубокий сон.
Да не примет он в обиду,
Если Матушка (для виду)
В нежеланье вдруг впадёт.
Нежным натиском уймёт
Пусть он гнев её лукавый.
Вот тогда
Уже по праву –
Так велит любви закон –
Фаворитом станет он!

* М о з г л я к – человек с гнилой душою.

** П р и с а д – зелены, молодой лес.

Словом, сбила с панталыку*
Подговорщица Лалыку
И
Под возглас – ай, лю-лю!
В тот же вечер Королю
Докладала про удачу –
Дескать, сплавила задачу...

А постельник –
В меру сил –
Чёрт-те что вообразил:
Сам собою обольстился,
Воеводой обрядился
И в потёмках,
Ну, пострел!
На свиданку полетел...

Тут пора оговориться:
Кабы Матушка царица
Да собакою была,
В пятый раз бы померла.
Так что, сослепу да сглуха,
Приняла его старуха
При ущербной при луне
Воеводою вполне.

Что ж Лалыка?
В нетерпенье,
Не помедлив ни мгновенья,
Притянул её за стать
Да схватился целовать!

* П а н т а л ы к – толк, смысл.

У неё ж, при этом деле,
Все загрудки* обомлели!
И она о землю – хлоп! –
Повалилась ровно сноп.
А когда в себя вступила,
Кринолины** подхватила
И, рыдая, как малец,
Припустилась во дворец.
Там, икая с перепугу,
Обсказала всё супругу.

Свирепея, царь Матвей,
Скорой волею своей,
Князя вмиг велел доставить,
Чтоб возмездье тут же справить!

Но Аггея, как на зло,
Отыскать не повезло.
А его жена младая,
Всей беды не понимая,
Заявила, что-де князь,
Накануне подхвяться,
С ловчими да егерями –
Хоть кого спросите сами –
Открестясь от прочих дел,
На охоту улетел
И доселе не вернулся! –
То ли конь ногой свихнулся,
То ли тать*** в лесу нагнал,
То ли зверь Аггея скрал?!

* Загрудки – внутренности.

** К р и н о л и н – подъюбочник для пышности.

*** Т а т ь – вор, разбойник.

К ночи ловля возвращалась
Да опять в леса умчалась,
Пояснив, что господин
Канул в запусках* один!..

А теперь припомнить надо
Про великую награду,
Что, совсем недавним днём,
Обещалась Королём
Чародейке.
Но примета
Не напрасно вторит свету:
Кто посулою богат,
Тот на память дыроват!

Нынче смысла не добиться:
То ль Король успел сказиться**,
То ль колдунью ремесло
Больно в жадность занесло?
Но коварной ворожее
Дали –
Только не по шее!

Словом, тема завелась –
Ей убраться восвоясь,
Не подав ни капли виду,
Что она свою обиду,
В подходящий час любой,
Королю вернёт с лихвой!

Воевода ж в это время
Налегал ногой на стремя

* З а п у с к – заповедный лес, пуща.

** С к а з и т ь с я – сойти с ума.

И, уздечкою звеня,
Поторапливал коня.
Целый день пустой охотой
По лесам да по болотам
Он оленя догонял
Да на лешего пенял.
Дескать, нежить, не иначе,
Посылает неудачу
На его досужий* глаз,
Потому как всякий раз
Выстрел,
В спешке, в суете ли,
Проносился мимо цели.
Только в пуще заблудясь,
О себе хватился князь...

Вдруг, как будто торжествуя,
На прогалину лесную
Вынес, прямо на межень**,
Красоту свою олень!

Поначалу князь зарделся –
Взвёл курок,
Но загляделся
И...
Красой лишённый сил,
Тихо руки опустил.

Тут олень, в своей заботе,
Повернулся к воеводе,

* Д о с у ж и й – умелый, тренированный.

** М е ж е н ь – стрежень, середина.

Вздрогнул телом, трубанул,
Головой, гордясь, качнул.
Видом вдруг преобразился –
Ведьмою оборотился
(принял свой исконный вид)
И Аггею говорит:
– Князь, мужайся,
Так как вскоре
Ждёт тебя лихое горе.
До конца беду познай,
Но в кручину не впадай.
Помни – светлый день настанет
И душа твоя воспрянет;
С сыновьями и женой
Обретёшь опять покой.

А за то, что по велению
Сердца доброго
Оленью
Ты красу не загубил,
Пусть тебе прибавит сил
Зачур мой в лихие годы...

В тот же миг у воеводы
Засиял, как солнца свет,
Против сердца амулет*.

Ведьма сгинула,
Как пламя от дождя,
А под ногами
Воеводы –
Ну, дела!
Тропка торная легла.

* А м у л е т, оберег, ладанка, талисман, зачур – охоронка от порчи.

Этой самой тропкой торной
Поскакал Аггей проворно
И, гляди, в короткий миг
Града стольного достиг.

Только выправить из лесу,
Тут Аггея, как повесу,
Встретил царский караул! –
Руки за спину загнул,
Оскандалил, обесславил,
Во дворец его доставил,
Где от злости, что дикарь,
Бесновался государь.

Только князя углядел он,
Вовсе чуть не обалдел он:
Накатился, как обвал,
Талисман с него сорвал,
Дале – боле развернулся,
Ладно, только не рехнулся!
И..

Под грозный царский глас
Вмиг состряпан был указ:
«Царь велит всему народу
Гнать отныне воеводу,
С сыновьями и женой,
От любых дверей долой!
Если ж вдруг,
Своей охотой,
Приютит бродягу кто-то,
Иль подаст ему чего –
Рвать собаками того!

Что ж!
От страха нет разору:
Открестился, да и – в нору...

А коль сверху есть указ,
Угрызенья не про нас!

Царь Матвей
Без лишней спеси
Талисман на грудь повесил
И за пазуху заклал –
Чтобы случай не украл.

Ах, ты! Господи, помилуй!

Воевода ж (царской силой)
С сыновьями и женой
В ночь покинул дом родной,
Долго он с семьёй скитался –
Обнищал да обремкался...
И однажды, в горький миг,
Моря синего достиг.

У высокого причала
Море синее качало
Корабли далёких стран.

Тут заморский капитан –
Лет осьмнадцати от роду –
Заприметил воеводу,
Да навряд ли самого,
А, скорей, жену его.
Сколь ни выпало скитаться,
Благовидной оставаться

Бог княгиню сподоблял
Да терпеньем наделял...
Капитан тотчас сказался —
Красотой её прельстился;
Всё семейство начал тать
На корабль зазывать.
Дескать, надо ваше горе
Увести за сине море —
Кто имеет разум, тот
И за морем проживёт!

Чтоб избыть свою невзгodu,
Бес попутал воеводу
Тем довериться словам:
На корабль взошёл он сам
И туда ж возвёл с собою
Сыновей своих с женою...

Пробил час. И паруса
Устремились в небеса.

День за днём пошёл-помчался —
В море остров показался.
Но не зрит на нём Аггей
Ни домов и ни людей...

Моряки при этом ловко
На волну спустили лодку,
Капитан же зубоскал
Воеводе так сказал:
— Без борьбы и без истерик
Либо ты сойдёшь на берег
Да с собою, хошь не хошь,

Сыновей своих возьмёшь,
Либо я, без промедленья,
Твой приплод в одно мгновенье
Бросить в море повелю,
Где акулами стравлю!
Да цени мою щедроту,
Потому как я заботу
О жене твоей, поверь,
На себя приму теперь.

Князь Аггею,
Так уж случилось,
Ничего не оставалось,
Как, забрав своих ребят,
Окунуться в новый ад...

Сказка свой порядок знает:
Пусть Аггей себе шагает;
Я уверена, что он,
Ровно пушкинский Гвидон,
Здесь, на острове, средь моря
Изживёт, как зиму, горе.

А теперь бы надо нам
Ко царю вернуться.
Там,
Потешаясь над соседом,
Возгласил Король победу:
Дескать, правду говоря,
Одурачил я царя.
А когда издёвка эта,
Насмешив собой полсвета,

Добралась, через шишей*,
До Матвеевых ушей,
Вмиг война заговорила:
Понеслась на силу сила;
Кони скачут, пушки бьют –
Не война, а страшный суд!

Вот когда отец народа
Понял, что без воеводы,
Как пропойце без вина,
Настаёт ему хана**.

С неудачи взятки гладки –
Собирать пора манатки.
Где уж тут фасон держать? –
Ноги в руки да бежать
За соратниками следом...

Так пройдохой соседом
Был царю, на старость лет,
Волчий выписан билет!

И, в тревоге превеликой,
Перекинувшись каликой***,
Царь, припрятав оберег,
На побег себя обрек.

День за днём,
В пустых досадах,
И в деревнях, и в посадах,

* Ш и ш – доносчик, наушник.

** Х а н а – конец, безысходность.

*** К а л и к а – странник.

Он, с пустою калитой,
Промышлял себе постой.
Негде калике приткнуться:
Тут смеются, там плюются...

На земле повсюду так –
Кто продулся, тот дурак!

Долго царь Матвей скитался –
Отощал да обремкался.
И в конце концов старик
Моря синего достиг.

У высокого причала
Море синее качало
Корабли заморских стран.

Тот же самый капитан,
Что несчастному Аггею
Сбыл коварную затею,
Стал царя Матвея – тать –
На корабль зазывать,
Где калике докладает:
Мол, красotka пропадает
Год без малого в журбе*
У меня на корабле.
Не на ладан только дышит,
Но меня-де и не слышит –
Стонет даже в лёгком сне
В отвращении ко мне.
Ни с каких-де я позиций
Не могу к ней подступиться.

* Журба – печаль, отчаянье.

А во мне её гранит
Прям занозою кровит!
То робею, то злобею...
Пособи мне сладить с нею –
Подбери к ней удила,
Чтоб покладистой была.
Мной-де слыхано, что люди
Божевольных* слушать любят.

Коль её уговоришь –
Ты на золоте стоишь!
Если ж нет – твоя забота:
Даже думать неохота,
Что паршивый облик мой
Сотворит тогда с тобой!

Тут помыслил царь-невзгода:
«Это мне за воеводу
Отломил такой ломоть
Справедливый наш Господь!
Как ни вейся путь-дорога,
Стороной не минешь Бога.
Так что черпай, старина,
Наказание сполна.

Царь ответил, соглашаясь:
– Я, конечно, постараюсь.
Но и ты границу знай –
Через край-то не хватай!
Мне, по сути, всё едино:
Рея, омут, гильотина...
А тебе, гляжу, нужна
Только выгода одна.

* Б о ж е в о л ь н ы й – юродивый, нищий.

Так что задом-то не брыкай –
Не твори меня заикой.
Если есть во мне нужда,
Урезонь себя тогда!
В рай не въедешь на угрозе.
Ты меня к своей «занозе»
Отведи, чтоб углядеть,
Как ловчей узду надеть?

В корабельную каюту
Царь вступил!
И в ту ж минуту
Окатил его испуг,
Что пришёл ему каюк*!
Хорошо ещё явиться
Вместе с ним не смел решиться
Шкипер** –
Этот сиводрал***
Пред княгиней пасовал –
Аж виски его потели!
Знать, влюбиться в самом деле –
Самому себе во зло –
Дуролому повезло.

Встал Матвей перед княгиней,
Что якут перед пустыней;
Головой в единый миг
Как беззубый волк поник,
А взамен разумной речи
Он, беспомощно лепеча,

* К а ю к – конец, смерть.

** Ш к и п е р – на купеческом судне капитана часто называли шкипером.

*** С и в о д р а л – беспринципный человек.

Принялся её молить –
И понять, и пощадить
Своего царя-злодея.
Аж рубаху перед нею
Он до гашника* рванул.
На груди его блеснул
Амулет!
И как святыню,
Протянув его княгине,
Царь Матвей в слезах сказал:
– Этот зачур я сорвал
С твоего супруга.
Может,
Ныне он тебе поможет!?

Только лишь могла успеть
Талисман на грудь надеть
Изнемогшая княгиня,
Вмиг исчезла, как в пустыне
Мелкой каплей испарясь –
Видно, к мужу убралась.
Растворилась до макушки!
Лишь взамен её полушка** –
Интересные дела –
На ладонь царю легла.
Будто в руку на прощанье
Опустилось подаянье –
Сильно жалок царь Матвей
Был в убогости своей!

* Г а ш н и к – опояска штанов.

** П о л у ш к а – монета ценою в полкопейки.

Той обиженный фиглёю*,
Царь об палубу деньгою
Хвать с размаху!

Вдруг!
Изволь!
Пред Матвеем встал Король!
О котором в этой были
Мы давным-давно забыли.
Да и он совсем (а зря)
Не признал в царе царя.

Знаем мы, что всяк вельможа
Самоменьем унавожен,
Короля того зело
Той же дурью развезло.
Был к тому ж он от природы
Видом хуже непогоды
И, понятно, облик свой
Обряжал всегда с лихвой.
Вот из этого букета
Перьев, злата, самоцветов
Извергался каждый раз
Самодурья злачный газ.

Этой химией своею
Такдохнул он на Матвея,
Что тот сморщился (слегка),
Точно гриб от кипятка.
Но совсем не растерялся,
А дослушать постарался
Королевского лица
Приказанье до конца:

* Ф и г л я – уловка, плутовство, насмешка.

– Эй ты, дурень неразменный!
Доложить!
Притом мгновенно!
Капитану соизволь,
Что в каюте ждёт Король!

Царь Матвей не стал вдаваться,
Как сумел тут оказаться
Натворивший уйму бед
Столь дурной его сосед.
Он немедля развернулся –
Словно юноша рванулся
Капитану докладывать:
Как, мол, шутку понимать?!
Дескать, весь я изгляделся,
Изождался, извертелся,
Словно ветряный корнет* –
Никакой княгини нет!

А взамен передо мною
Появилось вдруг такое!..
Ты меня-де не суди –
Сам пойдёшь да погляди!

Глянул шкипер и взорвался:
– Кто?! Зачем?! Откуда взялся?!
Ах ты, гнусный карнавал!
Я тебя на судно звал?!
Что икаешь, рот разиня,
Отвечай мне: где княгиня?

Если вдруг за пять минут
Мне княгиню не найдут,

* К о р н е т – и флюгер, и прапорщик.

То тебе, моя жар-птица,
Лучше было б не родиться!
Ведай, ряженный сверчок,
Я тя вздену на дрючок*!

Тут на палубе в мгновенье,
По его соизволенью,
Закипела суетня:
Заметалась матросня,
Ни в какой успех не веря,
Поскорей найти потерю...

Царь не спрашивал тогда:
Ты куда? А ты куда?!
Он в дознание не вдавался,
А на берег постарался
Сбыть себя, и со всех ног
Припустился наутёк.
Так и ринулся намётом –
Только пятки пулемётом,
Засверкав во всей красе,
Застрочили по стезе.

Лишь за пятою верстою
Добежал он до покою.
Там от скорости беглец
Отдышался наконец.
И тотчас посмел решиться
На престол свой воротиться,
Докумекав (и не зря),
Нету больше Короля.

* Д р ю ч о к, дрюк – кол.

Знать, такую местью ловко
Рассчиталась с ним колдовка.
Что ж – властительный шельмец
Заработал свой конец!

Тут могла б я, не жалея,
Вкруг Земли послать Матвея –
Пусть бы жалкий простодум
До конца поправил ум.
Но тогда б меня, и кстати,
Не простил бы мой читатель:
Сказка – это не партсъезд –
Хороша в один присест.
Потому-то обернуться
(без дальнейших экзекуций)
Прямо к царству своему
Разрешила я ему,
Не сломав при этом шею.

В тот же миг перед Матвеем
Преградила ведьма путь –
Не свернуть, не обогнуть!
И сказала (без коварства):
– Ох, и скор ты прытью царской!
А тебе пора б уметь
В голове царя иметь!
Я сейчас перед тобою
Вид земли твоей открою –
Разглядишь в единый миг
То, чего же ты достиг
Безрассудностью своею!

Что ж представилось Матвею?
Видит старый дуралей

На сторонке на своей,
Что бессмысленным владыкой
Во дворце сидит Лалыка!
И, под стать ему, народ
Словно сивый мерин врёт!

Врут уклады и законы,
Всюду кража и препоны...
Тот не сеет, тот не жнёт,
Лишь один другого жрёт!

Вся страна – и не для вида
(в чём особая обида):
Пустословит налегке
На заморском языке.

И жрецы, не зная меры,
Торг наладили из веры...

Под такую несуразь
Даже Правда завралась,
Да отчаянье святое
Заливает не водою...

Царь от страха завопил:
– Что ж я, дурень, натворил!

И затем воскликнул пуще:
– Помоги мне, Всемогущий!
Я Тебя не обману –
Всё обратно возверну!

Но, на призыв этот пылкий,
Ведьма молвила с ухмылкой:
– Ты уж бабку извини,
Но попробуй
Возверни!

МУХА

Добрая сказка

е на пир на угощение,
Не к попу на причащение,
Не в телеге, не в седле,
Не верхом на помеле,
А побитою дворнягой
Поспешал домой бродяга –
Перевязано чело,
Брюхо голодом свело.
Позади судьба лихая,
Впереди тайга глухая,
В перемётной (как ни шарь)
Лишь огниво да сухарь.
Только прежнюю гордыню
Нёс домой он, как святыню;
Видно, жизненный урок
Не пошёл бродяге впрок:
Хоть он жалким возвращался,
Но прощать не собирался

Из бывшего своего
Никому и ничего.
Даже к собственной невесте
В сердце нежил он возмездье:
Видно, та, попав впросак,
Что-то сделала не так.
Хоть она и повинилась,
Пониманья не добилась:
Вот тогда она взяла
И со свадьбы удрала.
Сколь невесту ни искали,
Только время потеряли.
Поговаривал народ
(а народ у нас не врёт),
Что она, устав от свары,
Подалась к знахарке старой –
Поношение ли избыть,
Жениха ли проучить?
А строптивец утром рано
Взял котомку и от срама

В мир отправился сам-друг,
Как ощипанный индюк.
Долго по свету бродяжил –
Ничего, как есть, не нажил
И с сумой своей пустой
Повернуть решил домой.
Так, от участи превратной
И шагал блукарь обратно:
Перевязано чело,
Брюхо голодом свело.

Вот уж начало смеркаться,
Стало шлындарю сдаваться,

Что безмерно он устал
И наовсе заплутал:
Ни тропинки, ни дороги,
В моховине вязнут ноги...
Вдруг раздобрилась судьба:
Перед ним стоит изба!
Хоть пластанка* неказиста,
Но внутри тепло и чисто –
Для бродяги благодать.
Только что-то не видать
Ни хозяев, ни постоя...

Сел на ложево пустое
Чужедворок, позевнул,
Повалился и уснул.
В ночь от голода проснулся,
Потянулся, повернулся,
Осмотрелся.
Наконец,
Подивился шатунец,
Что за всю его дремоту
Ни шишига из болота,
Ни лешак, ни домовой
Не прервал его покой!
Вкруг безлюдно и уныло,
Будто всё как есть застыло.
Только муха в тишине
Мельтешится на окне,
Да разбуженное брюхо
Донимает голодуха,

* П л а с т я н к а – маленькая избушка, крытая пластинами травяного дёрна.

Но в избе и кладовой
Ни куска –
Хоть волком вой!
И промолвил неудатный:
– Сщас доем сухарь остатный
И прощай, старуха-мать,
Знать, придётся помирать.
Осознав такую скуку,
Запустил бродяга руку
В перемётную суму.
Вдруг!
Нащупался ему
Не сухарик заваливающий,
А рукой своей лядащей
Сцапал он за тёплый край
Хлеба целый каравай!
– Быть не может! Эко благо! –
Удивляется бродяга. –
То ль нечистый, то ли Бог
Мне столь вовремя помог?

И не пало дуралому
Хоть бы духу избяному
За такую благодать
Слово доброе сказать.

Чтоб умерить голодуху,
Отломил шатун краюху,
Всухомятку стал жевать –
Тощим брюхом оживать.
Тут-те новая забота:
Навязалась икота,
Не икота, а тоска –
Не даёт сглотнуть куска.

Треплет, ровно кот синицу.
– Эх! Сейчас воды б напиться! –
Лишь успел он пожелать –
На скамейке (глядь-поглядь)
Сулея стоит с водою!
Вертит парень головою:
Кто потрафил на скамью
Вдруг поставить сулею?

Но в избушке всё как было –
Одиноко и уныло,
Только муха в тишине
Мельтешится на окне.
Ни души в лачуге жалкой –
Ни в углах, ни под лежанкой...
Что за хитрость, что за сон!?
Только мухи перезвон...

– Интересная бодяга!

Напузырился бродяга,
Вновь на ложево упал,
Ногу на ногу задрал...
«Ничего себе житуха! –
Поразмыслил. – Только муха
Малость портит благодать –
Видно, тоже хочет жрать».

И прищурясь сытым глазом,
Дармоед уже приказом,
Словно теще строгий зять,
Повелел ей замолчать!
Нуте...

Фокус не удался –
Гуд того сильней раздался.
Молвил пришлый:
– Поутру я те крылья оборву!
Нагарцуешь, непоседа! –
Сам продрыхал до обеда.
Пробудился в тишине –
Нету мухи на окне.

За окном сияет небо!
Снова брюхо просит хлеба.
Вновь немытый сиволдай
Непечатый каравай
Из котомки вынимает
Да с водою уминает,
Будто сам широкорот
Заработал ситник тот.

Скоро это угощенье
В нём являет огорченье:
Вишь – приходится опять
Без приварка хлеб жевать!
– Вот бы щей или окрошки...
Можно жареной картошки...
Не мешало б молодцу
Рыбки или холодцу...
Пирога не испугаюсь... –
В потолок мечтой уставясь,
Он бубнил, как важный муж.
– Медовухи бы к тому ж!

Опустил глаза бродяга:
На столе стоит баклага

Спелой браги на меду –
Вся от холода в поту!
Здесь картошка в сковородке,
Тут икраяная селёдка,
Хрена тёртого судок,
С говорушками пирог
Да говяжий плотный студень...
Вот натрескался наш трутень,
Отвалился от стола –
Вновь тоска его взяла:
Не покоится, не спится –
Так охота похвалиться,
Сколь насущность хороша –
Прямо чешется душа!

Но вокруг –
Скажи на милость –
Как чума на мир свалилась!
Чванством некого дивить,
Чтоб гордыню утолить...
Только тьма за дверью бродит...
Да опять тоску наводит
От заката до зари
Муха! Чёрт её дери!

Вот уж сытому сдаётся,
Что над ним она смеётся.

И выходит, стало быть,
Надо шельму изловить.
И настроился сквалыга
По окну руками шмыгать,
Чтоб досадливость унять,
Муху в угол загонять.

Сам грозитя:
– Ох, поймаю!
Разом крылья обкарнаю!
Ишь, какая чехарда!
Порезвишься мне тогда!
Прямо в корень обнаглела!

Та ж в потёмках знай гундела –
И велел блукарь:
– Хочу,
Чтобы кто зажёг свечу! –
Мигом пламя заиграло.
Только мухи вдруг не стало.
Все углы обшарил хмырь –
Раскраснелся, как упырь.
Но старания не к делу –
Нету поискам пределу.
И ловец махнул рукой:
– Я тебе не князь какой, –
Молвил он.
Угомонился
И на ложево свалился,
Перед сном успев сказать:
– И при свете можно спать.
Что впустую куролесить?

Лишь собрался занавесить
Дремотою зенки он,
Снова мухи перезвон
В тишине ночной раздался –
Словно гром с небес сорвался.
В гроб готов его согнать –
Не даёт бродяге спать.

До зари кой-как пробился.
Там наелся и напился.

И задумалось ему
Снедью впрок набить суму.
Дескать, я, с таким запасом,
Всякий путь покрою разом!
Разве это благодать –
Из-за мухи да не спать?!
Дело долго не томилось:
Котома едой набилась.

Дальше – вовсе ерунда:
Ноги в руки – и айда!

С торбой, полной интересом,
Вновь шатун подался лесом.
Долго он тайгой блудил –
Всё как есть приел, припил,
Истолок весь рям* окружный –
Не нашёл дороги нужной.
Измотался.
Глядь-поглядь:
Перед ним изба опять!

Делать нечего бедняге:
Или заново в бродяги
Подаваться,
Иль суметь
Мухи звон перетерпеть.
«Ведь навозная провора
Всё равно подохнет скоро.

* Р я м – топкое болото.

Знает всякий идиот:
Муха долго не живёт». –
Так смекнул шатун голодный
И в пластянке обиходной
Вновь на ложево упал –
Ногу на ногу задрал
И промолвил без зазрения:
– Эй! Подать в одно мгновенье!
Без разбору, всё подряд,
Что цари в обед едят!

Вот те на вот!
Тем приказом
Раздалась избушка разом:
Стол простёрся –
Ну и ну! –
И в длину, и в ширину...

В этот раз не стану всеу
Вам расписывать меню я;
На столе узрел блукарь
Всё, чем сыт бывает царь.
Тут, с бродяжьего веленья,
Занялось в избушке пенье –
Чем голодный шалопут
Заглушил мухарный зуд.
Но лишь взял он ложку в руку,
Разглядел такую скуку:
Муха в ложке!
Нате вот!
Нога об ногу скребёт.
– Чтоб ты лопнула, прокуда! –
Ложку прочь метнул приبلуда,

Сам тарелку в руки хватъ –
Через край решил хлебать.
Потянул в себя детина
Взвар душистый со свининой.
Глядь!
А муха прямо в рот
По течению плывёт.

От досады наш гуляка
Только-только не заплакал:
Понял хмырь – на этот раз
Муха есть ему не даст.
Вот нежданная забота:
Помирать-то неохота.
И задумалось ему
Крушенцом набить суму.
Мол, с наживою такою
Слажу я с любой судьбою.
Уж на этот раз домой
Путь найду любой ценой.

Мигом блажь осуществилась:
Торба золотом набилась!
Муху ж он решил обречь –
Заодно с пластынкой сжечь!
Чтоб вперёд в его успехе
Больше не было помехи.
Чтоб не встретить больше зря
Ни избы, ни мухаря*.
Запалил, твердя:
– Ну, лада,
Вот тебе моя награда!

* М у х а р ь – большая зелёная муха.

Надо было понимать,
Как досужных донимать!
Попляши теперь, резвушка! –
Палкой дверь подпёр в избушку.
Дальше – вовсе ерунда:
Ноги в руки и айда!

С самородным интересом
Долго шёл бродяга лесом.
Время – к ночи.
Глядь-поглядь –
Перед ним изба!
Опять!
Даже прежней поновее.
Вот затея так затея!
Дверь и та враспах стоит –
Вроде как войти манит.

Пустоброд, довольно смело,
В халупёнке несгорелой
Вновь на ложево упал,
Ногу на ногу задрал
И приказом (без зазренья)
Мухе бросил дозволение:
– Чёрт с тобою, суетись!
Только возле не крутись! –
Следом он не постыдился
Повелеть, чтоб появился
Суп наваристый, густой!
Глядь-поглядь!
А стол пустой!

Как потом он ни старался:
И молил-то, и ругался,

Всё напрасные труды –
Ни еды и ни воды!
Золото не постеснялось –
Со котомкой распрощалось
И, неведомо куда,
Просочилось, как вода...

Так, не солоно хлебавши,
От усердия уставши
Ни в телеге, ни в седле,
Ни верхом на помеле,
А побитою дворнягой
В путь отправился бродяга...
Перевязано чело,
Брюхо голодом светло.

Позади судьба лихая,
Впереди тайга глухая...
В перемётной, как ни шарь,
Лишь огниво да сухарь.

Ни тебе дороги торной,
Ни тропиночки подспорной...
Дело – к ночи.
Глядь-поглядь! –
Перед ним изба!
Опять!!!

Тут шатун признал покорно:
– Житие моё зазорно...
Вот теперь сообразил,
Как впросак я угодил.
Знать, за прежние парады

Лучшей нету мне награды,
Как петлю себе скропать
И... прощай, старуха-мать!

С тем решением вступает
Он в избу и замечает
Крюк огромный в потолке.
А на том ли на крюке
Беззаботной веселухой,
Подпевая, пляшет муха.
Как заправский эрудит,
Так частушкой и частит:

– Если хочешь удавиться,
Нет причины торопиться:
Гордым норовом глупец
Без того уже мертвец!
Спесью счастья не добьёшься –
Такова у нас судьба:
Если низко не нагнёшься,
Не добудешь и гриба.
Барским чванством не балуйся –
Из назьма в цари не суйся.
Хочешь жить без дураков,
Выбрось ягель из мозгов!..
Нет судьбы на свете хуже,
Пузырём вскочив на луже,
Радугою воссиять,
Чтобы мигом грязью стать...

И смекнул тогда бродяга,
Кем творится передряга:
Под белёным потолком
Голос больно уж знаком!

До того он удивился –
Слава Богу, не сказался.
Сам себя осилил он –
Отпустить земной поклон
Дорогой своей невесте
Да сказать без прежней мести:
– Ради Господа, прости!
Я на жизненном пути
Завсегда служил гордыне
Полной мерой.
Но отныне,
Сколь ни доведётся жить,
Даже муху стану чтить...

Вмиг, без лишней заковыки,
Угляделось горемыке,
Что сидит он за столом,
Да не просто, а вдвоём.
Рядом в платье изумрудном,
Вся как есть в сиянье чудном,
С ним невестушка сидит –
Ручейком живым журчит.
Говорит ему с любовью:
– Угощайся на здоровье,
А потом, любезный мой,
Мы отправимся домой.

ШУТ ГОРОХОВЫЙ

В годы оные в стране,
Не совсем известной мне,
Жил царевич неженатый,
Синеглазый, кудреватый,
Статный – идола твори!
Но ущербный изнутри.

Он от самого от роду
Взял не царскую породу:
Может быть, и не хотя,
Был доверчив, как дитя.

Но зато его сестрица –
На проделки мастерица –
Сатану, в припадке зла,
Облапошить бы смогла.
При царицыном прощеньи,
При царёвом попущеньи,
То расходует казну,
То удумает войну

Меж дворянами затеять,
То зачнёт крамолу сеять,
Раздувая пыл страстей
Среди пахотных людей...

Очернить чужую славу,
Навести в полях потраву,
Диких выпустить зверей
На ристалище князей...

Растравить любую смуту
Ей давалось за минуту.
Но своей затеи суть
Так могла она загнать,
Что в любом лихом начале
Люди принца уличали.

А когда к лицу лицом
Перед царственным отцом
Он робел и заикался,
По углам весь двор шептался:
Дескать, принц наверняка
Записного дурака
Из себя нарочно строит.

Для того, знать, беспокоит
Он царицу и царя
Хуже всякого вражья,
Чтоб родители, печалась,
Поскорее в рай умчались,
Уж тогда б он враз обрёл
И наследство, и престол!

Эти выходки (по праву)
Людям были не по нраву.

Принца ж весь народ притом
Звал гороховым шутом.

А царевич, как деннице,
Верил собственной сестрице.
Было просто не к уму
Призадуматься ему:
От какой такой напасти
Вкруг него бушуют страсти,
Чья столь подлая нужда
Из него творит шута?

Нужно тут оговориться,
Что помимо злой сестрицы,
Да мамыши, да отца
Не было у молодца
Ни в быту, ни на примете,
Да, пожалуй, в целом свете,
Хоть весь мир перелистни,
Никакой иной родни.
Так что (если что) царицей
Довелось бы стать сестрице...

Этой правде (без «ура!»)
Уступить и нам пора.

О принятии ж наследства
Суть её болела с детства:
Было ей не по нутру
Жить царевной на миру.
Оттого сестрица брата
Сотворяла дурковатым,
Чтоб не смел и мыслить он
Возвести себя на трон!

Наконец до исступленья
Довело сестру хотенье:
Засвербело, стало быть,
Разом дело завершить!

Но не даром говорится:
Кто терпения лишится,
Тот лишится головы!
Только на людях – увы! –
Эта мудрость зачастую
Проживает вхолостую.
А ведь создал нашу плоть
Для терпения Господь!

Но в царевне злая сила
Удила, зная, закусила –
Нету в бедной терпежа,
Ровно села на ежа.

Ну а кто того не знает:
Чёрт без ада не бывает...

Вот однажды царь созвал
Новогодний карнавал.

По обычному укладу,
Приступая к маскараду,
В рамках царского двора
Затевалась игра,
Называемая сказкой,
Для чего творились маски,
Чтобы всякий лицедей
Был загадкой для гостей.

Эти сказки-небылицы
Сочинялися сестрицей.
Но своей задумки суть
Так могла она ввернуть,
Вроде как про это дело
И понятия не имела,
Чтобы снова двор твердил:
— Ну, царевич! Учудил!

И на этот раз сестрица
Размечталась изловчиться:
Наведя на брата страх,
У собранья на глазах
Умыслом принудить братца
От престола отказаться,
А скорее, может быть,
Вовсе принца загубить!

Ей пришла на ум забота:
Настоящее болото
Сотворить среди дворца —
Для вернейшего конца!
Чтобы, с дьявольским уменьем,
Наведя на всех затмения,
И свой пыл не обнажить,
И злодейство завершить.

Трепеща душой от злости
Да отправив брата в гости,
Повелела холодам
Во дворце устроить рям
Возле праздничного зала,
Там, где маски карнавала

Станут шашни сочинять
Да кадрили вытворять.

Всё за день до маскарада
Обустроилось, как надо:
Встал вокруг болота лес –
Не видать во сне небес,
Звёзды на землю скатились –
В частых елях заблудились,
Чаруса* укрыл плаун**,
Посерёдке лёг валун.

Всё в покоях разместилось,
На места определилось
И закрылось до поры,
Чтоб не выдать ход игры.

Вот ли гости (по указке)
Во дворец явились в масках,
Чтоб никто не мог понять –
За какой кого признать.
Даже в голову нимало
Никому в тот час не пало,
Что сокрылся принц тогда
Под личиною шута.

А лукавою сестрицей –
На проделки мастерицей
Холуям на этот раз
Отдан был такой приказ:

** Ч а р у с – окно в топком болоте.

*** П л а у н – ряска, болотная трава.

– Срочно бабку отыщите
И принцессой нарядите,
Да чтоб старь имела та
Лет никак не меньше ста!

Слуги старицу сыскали.
И тотчас на карнавале
Зашептали все кругом
О венчанье шутовском.

Вот, не глядя на протесты,
Шут явил красу невесты:
Нос крючком, спина дугой,
Подпирается клюкой...
Следом, вместо иерея,
Притащили брадобрея,
И наряженный отец
Их поставил под венец.

Вдруг в минуту окончанья
Непотребного венчанья
Под незримым потолком
Разразился страшный гром!
И ударило такою
Принца огненной струёю –
Словно палицей бойца
Оглушило молодца.

В этом насланном дурмане,
Как в угарной сельской бане,
Принц понятие потерял:
Кто он есть? Куда попал?

Как прояснилось немножко,
Различил царевич то, что
На воздушном на шаре
Он снижается к земле,
Где на диком на болоте,
В новогоднем хороводе,
Черти с ведьмами как раз
Затевают перепляс.
А вокруг, как на параде,
Ёлки в праздничном наряде,
В чарусах вода сквозит,
Посреди валун лежит.

Нечисть принца углядела,
Всей оравой загалдела,
Каждый прыгает, вопит:
– Шут гороховый летит!

А царевичу забота:
Он не ведал, что болото
Для забавы непростой
Образовано сестрой.
И воспринял шутку эту
Он за чистую монету.
Так что ночь на шабаше
Не пришлась ему к душе.

Лишь успел он приземлиться,
Тут болотная царица
На златом престоле враз
Из трясины поднялась!
Как столетней паутиной,
Вся обвешанная тиной,

У подножья – трын-трава,
На плече сидит сова...

И узрел в ней принц неожиданно
Ту старуху, что недавно,
Полчаса тому назад,
Потешая маскарад,
Рядом с ним стояла в зале,
Бестолково очи пяля
И на золото венца,
И на мнимого отца...

Здесь же вокруг неё русалки
Разгалделись, точно галки:
– Любит шут озоровать –
Нужно парня обратять*.
Ведьмы вздумали резвиться:
– Принц задумал ожениться?
Мы охотно всем гуртом
За проказника пойдём... –
Леший стоном изнывает –
Он своё урвать желает.
Черти прыгают, вопят:
– По нему страдает ад!..

А вокруг того набега
Нет ни холода, ни снега,
Будто в лунном серебре
Май погожий на дворе.
Звёзды с неба опустились,
В пышных елях заблудились –

* О б р а т а т ь – вовлечь в задуманное, приобщить.

Тоже водят, в свой черёд,
Новогодний хоровод.
И хотя иного света нет,
Но зримы и при этом
Стройных елей красота
И опушки густота.

За глухой стеною леса
Веселятся, видно, бесы:
Слышны хохот и возня,
Шепотки и беготня...

Всё приемлет принц душою —
Невдогад, что за стеною
Поразвешенной хвои
Люди прячутся свои...

Руку вскинула царица
И, кряхтя, сказала принцу
В наступившей тишине:
— Разбудил ты страсть во мне!
Воспалённая тобою,
Либо стану я женою
Настоящею твоей,
Либо, в гордости своей,
Ты свободен отказаться от меня,
Но впредь остаться,
И безвыходно притом,
Неприкаянным шутом!

Да, однако же на свете
Выход всё ж бывает третий.
Для тебя приспел как раз
Этот выход и у нас.

Я сейчас в большой заботе.
Видишь камень на болоте?
Нынче, прямо на глазах,
Запылало в небесах.
И с разлёту этот камень,
Изрыгая дым и пламень,
Во дворец болотный мой
Вход закупорил собой.
И теперь я вся в тревоге –
Холодеют даже ноги,
Жилы сводит на лице...

Дело в том, что во дворце
Раскрасавица девица
У меня в плену томится.

А к двенадцати часам
Прилетит за нею сам
Лета злобный погубитель –
Тьмы полярной повелитель,
В ледяной своей броне,
На серебряном коне
Сын самой царицы Стужи,
Чтобы стать девице мужем!

Каждый раз под Новый год
За себя женой берёт
Полуночный этот рыцарь
Раскрасавицу девицу.
А своих недавних жён
На распыл пускает он,
Чтобы северным сияньем
Эти дивные создания,

Украшая ночи страх,
Извивались в небесах...

Невозможно с ним тягаться:
Ни поспорить, ни подраться,
Потому как трижды он
Злою силой наделён!
И хочу я, не хочу я,
Дань девицами плачу я,
Так как рыцарю назло
Мне когда-то повезло
Избежать его доуки* –
Взять меня себе в супруги.
И приходится с тех пор
Исполнять мне приговор,
Что властитель тёмной ночи
Отменить никак не хочет.
Это он в болотный дом
Вход заклинил валуном.

Оттого я вся в тревоге –
Холодеют даже ноги!
Ведь по сговору тому
Я обязана ему
Каждый раз на этом месте
По красавице невесте
Доставлять под Новый Год!

Коль оплошка подведёт
Иль просак иной случится,
То болотною царицей
Мне, в расцвете юных лет,
Целый век глядеть на свет!

* Д о к у к а – домогательство.

Это он меня такою
Скрючил старую каргою
И у жизни на краю
Спрятал молодость мою.

Если же (по уговору)
Угождать умея впору,
Я урок исполню свой –
Снова стану молодой
В то же самое мгновенье!
Оттого я и в смятенье,
Что обязана сейчас
Долг отдать в последний раз!

Не пытай моё терпенье –
Приступай без промедленья:
Можешь камень раздробить,
Можешь на бок отвалить,
Можешь на сторону сдвинуть...
Да хоть на небо закинуть!

Прежде чем пробьёт полночь,
Ты обязан мне помочь!

Так что действуй!
А иначе,
Коль не выполнишь задачи,
То тебе, царевич, впредь
Государством не владеть!

Но того страшней и хуже,
Что от сына Вечной Стужи
Я, за шутку над собой,
Откуплюсь твоей сестрой!

Бабка столь вела охотно
Роль владычицы болотной,
Так умела ведьмой быть,
Так хотела удивить
Всех подряд своим стараньем,
Что порой рукоплесканья
Звоном вёсел по волне
Раздавались в тишине.

Но глупца и это дело
Образумить не сумело.
И старуха, пряча смех,
Продолжала тешить всех:
– Знай!
Сестра твоя родная,
Смертный страх перемогая,
В эту пору аккурат
Мерит свадебный наряд.
Пожалей свою сестрицу!

Но, коль хочешь распроститься
Ты с кровиночкой родной,
То она перед тобой
Может разом очутиться.
А желаешь, чтоб сестрицу
Злая минула беда,
Медлить нечего тогда.

Не должно тебя касаться
Всё, что будет сотворяться
На болоте вокруг тебя.
Ты ж, любовь к сестре храня,
Дело делай с прилежаньем!
Знай, что с каждым испытаньем,

Если сможешь ты стерпеть,
Камень примется худеть.
Если трижды ты смутишься
И от дела отлучишься,
Ну, хотя б на полследа,
На себя пеняй тогда!

Даже не подозревая,
Что ему страда такая
Уготована сестрой,
Бедный принц со всей душой
Приступил теснить преграду,
Чтобы страшную досаду
Непременно отвести –
От беды сестру спасти.

А сестра (задумки ради)
В чёрном свадебном наряде,
С мокрой осенью в глазах,
С долгим стоном на устах,
Показалась из-за ели...

Выступая еле-еле,
Вроде тиф перенесла,
До престола добрела,

Где в лукавом иступленьи
Повалилась на колени
Перед старою каргой
И зашлась пустой мольбой:
– Пощади меня, царица!
Забери хоть три девицы
Ты из прислуги моей...

Брат, по глупости своей,
Нынче выходкой дурною
Посмеялся над тобою,
Потому и ты вольна
Покуражиться сполна.
За него, без притязанья,
Я любое наказание
Понесу!
Хоть утопи!
Но за рыцаря, прости,
Не пойду я!

Что тут случилось!
Даже бабка растерялась:
Столь безудержную прыть,
Чтоб принцессу утопить,
Слуги разом проявили.

Может, впрямь бы утопили,
Не успея она понять:
Эту блажь пора кончать!
И, взывая к сердцу брата,
Реванула в три раската...

Тут о чём быть может речь?!

Чтоб сестрицу уберечь,
Принц от камня отшатнулся
Да спасать сестру рванулся –
Вмиг ретивая орда
Разметалась кто куда!

А царевна, в ложной муке,
Протянувши к брату руки,

Что есть мочи голоса
Да ладонями тряся,
Тут такое закатила:
– Разве я тебя просила
Дело важное бросать,
Чтоб меня бежать спасать?!
Неужель и впрямь ты хочешь,

Чтобы рыцарь тёмной ночи,
В угождение тебе,
Залучил меня к себе
Своевольным супостатом?!
А ещё зовёшься братом!
Коль задумал сделать так,
Не такой уж ты простак!

И злодейка молодая,
По пути дождём роняя
Слёзы искреннего зла,
Вновь к престолу поползла,
Где опять пустой мольбою
Завелась перед каргою...

И покудова простак
С камнем бился, как дурак,
Хитроумная сестрица
Перед ряженой царицей
Извивалась, что змея,
Ливнем жалобы лия:
Дескать, я ли виновата,
Что такого злого брата
Подарила мне судьба?!
Пред судьбою я слаба...

Да однако ж сына Стужи
Без венчанья видеть мужем
Не по сердцу мне,
Пойми!
Лучше голову сними!

Бабка гневом поперхнулась:
— Как тебе в башку ввернулось
Мне условия разводить?!
Мигом дерзкую казнить!

И холопы, ей в угоду,
Тут же сладили колоду*,
Навострил палач топор,
Чтоб исполнить приговор...

Завернув царевне руки,
Приступили к делу слуги:

Потешая карнавал,
Кто фату с неё сорвал,
Кто, под общее веселье,
С шеи сдёрнул ожерелье...
Казнь приблизилась! —
Под стать
Крест нательный целовать!
Но в последнее мгновенье
Под топор без сожаленья,
Поражая маскарад,
Головой свалился брат!

И опять сестра завывала:
— Я о чём тебя просила?!

* К о л о д ы — плаха, чурбан для казни.

Что ты мне наперекор
Сдуру лезешь под топор?!
Неужель и вправду хочешь,
Чтобы рыцарь тёмной ночи,
В угождение тебе,
Залучил меня к себе?
Лихо ты ведёшь затею!
Но поверь мне, что злодею
Я себя не подарю –
Лучше заживо сгорю!

И она, с последним словом,
Повернулась до престола,
Простонала:
– Что топор!
Разводи, карга, костёр!
Пусть мне мужем станет пламень,
Если брат не хочет камень,
Чтоб сестру свою спасти,
От запада* отвести!

Помянуть теперь бы надо,
Что болотная преграда,
По велению сестры,
Тут случилась для игры,
Что валун сюда прислужой
Вчетвером, и то с натугой,
Был доставлен.
Где ж ему,
Принцу,
Было одному
Сладить с тяжестью понятной?

* З а п а д – провал, вход, лаз.

Потому-то многократный
Брата явный неуспех
Вызывал покатный смех.
И, отчаявшись добиться
Вызвольенья для сестрицы,
Он, чтоб мук её не зреть,
Вместе с ней решил сгореть!

Только-только над болотом
Заиграла позолота
Скороспелого костра,
Лишь коварная сестра,
Понимая, что в затею
Брат последует за нею,
Тихо двинулась в костёр,
Он ладони распростёр
И опрометью рванулся
Вслед за нею!
Но споткнулся
Возле самого костра
О подножку, что сестра
Подвернуть ему успела...

А сама?
Как оробела.
Прям-таки лишилась сил
Пред огнём, что охватил
Простофилю...

Той минутой
Вдруг, влетев позёмкой лютой,
В зале вспыхнула зима!
Задышала стужей тьма!

В то же самое мгновенье,
Лишь единым мановеньем,
Уняла карга огонь!
А затем её ладонь
Распростёрлась над погодой.
И немедля, ей в угоду,
В ледяной своей броне,
На серебряном коне
Рыцарь ночи появился!

Он пред старицей склонился
И промолвил:
– Стужа-мать!
Я давно намерен взять,
По злодейскому завету,
За себя принцессу эту.
Не хватало мне всего
Лишь согласия твоего.
Но теперь и ты спокойна:

Видишь – девица достойна,
Заключая по всему,
Украшать собою тьму!

Ты ж доверчивому брату
Помоги забыть утрату.
Да чтоб этот филантроп –
Доброты своей холоп –
Осознал бы, что без меры
Не бывает даже веры!
Чтобы мог он понимать
Человеческую статью!
Чтоб не сел на царском троне
Шут гороховый в короне!

Чтоб владыкой на престол
Настоящий царь взошёл!

Тут царица Стужа встала
И на весь дворец сказала,
Не оттягивая срок:
– Быть по-твоему, сынок!

Вновь с удвоенною силой
Вьюга зимняя завывала,
Словно тройка понесла,
Закусивши удила...

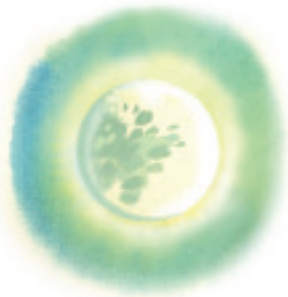
В ночь умчала завируха
И принцессу, и старуху
Вместе с сыном, и коня...

Но оставила меня.

Если вдруг такое случилось,
Что и я бы потерялась,
То кому тогда под стать
Было б столько вам наврать?

ЛУНЫШ

е на дальней на планете,
А у нас, на белом свете,
Жил мечтатель Алексей.
Он пустых не ведал дней:
Лето всякое в деревне,
Возле бабушки Андреевны,
С лёгким сердцем проводил –
Помогал, по мере сил.

До всего парнишке дело:
По тайге ходил умело,
Знал погоду наперёд,
Ведал, что и где растёт,
В омота нырял плотвицей,
Мог прощать, умел сердиться...
Словом, был хотя и мал,
Но себе управу знал.
И притом, скрывать не буду,
Он безмерно верил в чудо,
Что однажды, не во сне,
Побывает на Луне.

Долго время не томилось —
Диво дивное случилось,
Чудо чудное сбылось!

Вот как это началось:

Мыши в погребке скребутся,
Ветер ставнею скрипит...
Нет, что бабушке проснуться,
Но она всё спит и спит.
Знать, умаялась она...

Всходит на небо Луна.
Свет её на половицах
Тонкой льдинкой серебрится,
Бьют часы двенадцать раз —
Наступил полночный час.

Вот ли грезится Алёшке:
Света лунного пятно
Потянулось, вроде кошки
Изогнулось вдруг оно,
В ком жемчужный собралось
И парнишкой поднялось!

Видно, парень именитый:
Искрой радужной облитый!
Тем же трепетным огнём
Обруч светится при нём.

Будто жаворонка трелью
Или мартовской капелью
Потревожило покой:

– Доброй ночи, друг земной! –
Говорит он. – Не пугайся,
В дело вникнуть постарайся:
Ты – малыш, и я – малыш;
Ты – Алёша, я – Луныш.
Мы ровесники с тобою.
Только ты рождён Землёю,
Суждено же было мне
Появиться на Луне.

Но беда не в расстоянье –
Не важны у нас дела,
Тем, что воли на свиданье
Нам природа не дала –
Не положено судьбой
Мне являться пред тобой.

Стоит нам лишь потянуться –
Друг до друга прикоснуться,
Оба, мигом, – вот беда!
Мы исчезнем навсегда.

Но в труднейшем освоенье
Основанья лунных школ
Я, своё утроив рвенье,
Всех в науке превзошёл.
И за это, в день Желанья –
В лунный день сорокознанья,
Мне Хранитель Вечных Сил
Этот обруч подарил,
Чтоб его волшебной волей
Я Луне своей служил.

Если ты не побоишься
В этот обруч пронырнуть —
Мною тотчас повторишься
И взойдёшь не где-нибудь:
Не в кромешной старине,
Не в Америке-стране...

Уверяю, ты случишься
Тем же мигом на Луне!
После этого мгновенья
Нам с тобой исчезновенье
Не грозит.
Пойми: у нас
Станешь ты другим тотчас.

С кем бы там тебе ни знаясь,
Сколько б дней ни оставаться,
На Земле минутам счёт
Не продвинется вперёд.
Ну, а если так случится,
Что захочешь возвратиться —
Будешь в тот же миг опять
Ты в своей постели спать.
Но! Пред тем, как соглашаться
На Луну со мной умчаться,
Будет кое-что под стать
О её судьбе узнать.

Незапамятной порою
С нашей маленькой Луною
Вышел случай роковой:
Прежде мы судьбой иной
Под лучистым небом ясным

Жили вольно и прекрасно,
Но не вечен праздник был –
Изолгался лунный мир:
Стал коварством увлекаться,
Небылицы возводить,
Лицемерьем восторгаться,
Перед правдою кривить...

Столь неправды накопилось,
Что однажды, в судный час,
Ложь взяла и превратилась
В злое чудище Натасс!
Что не много и не мало,
Горы в пепел развевала,
Превращала воздух в дым
Дуновением одним!

Повезло тогда народу
Эту страшную невзгоду
В глубь пещерную загнать
И навек замуровать,
Чтоб опять себе в угоду
Изворачиваться, лгать...

А Натасс в Луне гнездилась:
Ею скоро уплотнилось
Содержимое нутра...
Так с годами сотворилась
Из Луны одна кора.

Неожиданно разверзся
В той коре сплошной изъян –
Закружился, завертелся
Несусветный ураган.

Словно лёгкую мякину,
Всех в полночную пучину
Через вольное жерло
Безвозвратно унесло...

Как жемчужницы ракушка,
Вдруг захлопнулась ловушка.

С той поры случились мы
Обитателями тьмы.

Ось вращения сместились,
И Луна определилась
Между небом и землёй
На незыблемый покой.

Шли года, века, эпохи...
Стихли ахи, охи, вздохи...
Старики, юнцы, мужи
Стали все рабами Лжи!
Сущность наша изменилась —
Всех снидала* ночи сень,
Тело как бы растворилось —
Постепенно превратилось
В полусвет ли, в полутень...

Так, жестокая поруха,
На безвременье вперёд,
Превратила в Царство Духов
Вольный некогда народ.

Долго мы не понимали,
В чём причина лунных бед?

* С н и д а т ь — сокрушать, изнурять.

Но с годами осознали –
Нам пути иного нет:
Чтоб избыть свои невзгоды
И на волю уповать,
Нужно всем как есть народом
Даже в помыслах не лгать!

Поклялись, свободы ради,
Правдой жить!
И вот Натасс,
От бессилия в досаде,
Прямо на глазах у нас
Расхворалась, исхудала,
Почернела и в клетки
Придворцового подвала
Оказалась взаперти.

С той минуты мой Учитель –
Вечной Мудрости Хранитель,
Лично, много лет подряд,
За Натасс ведёт догляд!

Нет наставнику покоя.
Подменить себя порою
Позволяет только нам –
Трём своим ученикам.

Если ты своим согласьем
Мне намерен отвечать,
Об одной ещё напасти
Я обязан рассказать.

Знай: у лунного народа
Такова была природа,

Что, до нынешних причин,
Не знавали мы кончин.
Мы не гибли, не рождались,
А, слабея, отправлялись
В сад Великого Отца,
Там мы к почве прививались,
Прорастая, превращались
В молодые деревца.

Те росли и мощь копили
И, в определённый срок,
Над собою возносили
Чудодейственный цветок.
Из бутона в полдень лунный
Вылетал лунянин юный,
Сотни лет готовый жить,
Не желая есть и пить.

При таком при пополненье
Ужас перенаселенья
Не терзал души ни в ком,
Да и страх исчезновенья
Тоже не был нам знаком.
Но в Саду Великом вдруг
Появился злой недуг!

Всякий ствол цветок возносит,
Но не всякий плодоносит –
Как предвестник новых бед
Стал случаться пустоцвет!

А поскольку не бывало,
Чтоб коварная Натасс

Из дворцового подвала
Отлучалась хоть бы раз,
То во мне сомненье вскоре
Появилось:
Может быть,
Ей далось на это горе
Одного из нас подбить –
Из троих учеников
Всехранителя основ?!

Ведь Хранитель Вечных Сил
Только мне лишь подарил
Обруч,
Может, этим самым
В ком-то зависть возродил?!

У досады же всегда
Повод есть, да нет стыда.

Чтоб до истины добраться,
Я б сумел перед Натасс
Очерёдно появляться
В виде каждого из нас –
Из троих учеников
Всехранителя основ.
Только в том-то и забота,
Что в кого-то иль во что-то
Обитатели Луны
Превращаться не должны:
Наша хитрость всякий раз
Помогает жить Натасс.

Ты же, обручем владея,
С совершенством чародея
Можешь мигом хоть в скалу,

Хоть в соринку на полу,
Чтобы истины добиться,
Без помехи превратиться –
Стоит обруч лишь поднять
И задумку загадать.

Так что можешь не смущаться –
Мною смело заявляться
Перед мудрецом, но знай:
Обруч мой не отдавай
Ни за правду, ни за ложь,
А иначе пропадёшь!

Как признаешь наглеца,
В Сад Великого Отца
Волен ты его доставить,
Чтоб впредь не смел лукавить!
А поскольку ты земной,
Ты отторгнешься Луной –
К почве нашей не привьёшься
И на Землю вновь вернёшься
Без помех, наверняка,
В лучшем виде.
А пока,
Если мешкать нет причины,
То попробуй, изловчись,
И в небесную пучину
Через обруч окунись.

Тут Луныш рукой взмахнул,
Обруч огненный метнул.
Алексейка изловчился –
Головою поднырнул.

Стужей вдруг его облило,
После жаром опалило
И взошёл он среди скал –
Словно тут всегда стоял.

Огляделся, чуть робея:
Небо – чёрного чернее,
И осыпано оно
Золотой звездой сплошно;
Нет ни облачка, ни ветра,
А над самою Луной
В десять, в сто ли километров
Нависает шар Земной!

Он лучами солнца пышет,
Голубым простором дышит,
Облаками шевелит –
Словно Лёшке норовит
По-отцовски наказать,
Дескать, ты не смей дрожать!
А держи такую думу:
Сын Земли – не фунт изюму!
Помни это как букварь –
В грязь лицом-то не ударь!

Тем заботливым наказом
Алексей взбодрился разом –
Минул робости недуг.
И тогда он понял вдруг:
И не тень он, и не свет,
Вроде есть он, вроде нет,
И такая лёгкость в теле –
Ну, как есть голимый бред!

Рядом теплится Луныш,
Уверяет:
– Ты не спишь.
Ты у входа в Царство Духов
Двойником моим стоишь.

Должен ты поторопиться –
В это Царство опуститься:
Потому как ты земной,
Волен солнца луч прямой
Человека не щадить –
Мигом в пепел обратить!
А по времени – вот-вот
Утро лунное грядёт!

Мне же очень пригодится
В невидимку превратиться,
Чтоб никто, как есть, не мог
Обнаружить наш подлог.

И сообщник растворился –
Словно в космос провалился.
Алексей струхнул слегка –
Нету рядом двойника!

Но работу делать надо.
Вскинул обруч он – и враз
Скал высокая преграда
Постепенно раздалась,

Вход уклонный отворился,
В глубине его струился
Свет, как будто среди скал
Луч вечерний дотлевал.

Тут же силою лукавой
Алексея подняло,
Вроде летом, вроде плавом
Прямо в жерло понесло.
Вскоре он, волшебным ладом,
Стену каменной преграды
Миновал, как лёгкий вздор,
И взвился в иной простор:

Света нет и темноты,
Глубины и высоты –
Словно в толще океана,
Где ни капли нет воды.

Лёшка малость покружился,
После тихо прилунился
Перед зубчатым дворцом,
Что серебряным венцом
Среди льдисто-белах скал
Весь искрился и сиял.

Вот Алёша без утайки,
Веря в силу обечайки*,
Полный благостных забот,
Прямо во дворец идёт.

Только он ступил под своды,
Словно прячась от погоды,
Встреч несётся старина –
По колена седина.
Весь он в страхе и смущенье.

* О б е ч а й к а – обод.

Ровно месяц в нетерпенье,
Или даже целый год
Ждёт, когда Луныш придёт!

Впопыхах ответить просит:
Где тебя-де черти носят?! –
Вот уже как битый час
В клетке бесится Натасс!
Если ты своим стараньем
Не уймёшь её метанья,

Всё она, того гляди,
На своём сметёт пути!

В глубь дворца спешит Учитель –
Вечной Мудрости Хранитель,
Следом, волею своей,
Поспешает Алексей!

Закоулки, арки, своды,
Тупики да переходы...
Вдруг!
Как в зиму вешний гром!
Под решётчатым шатром,
Ураганом мельтешась,
Бесится живая страсть! –
Помесь Гарпии с Горгоной*,
Изрыгая вопли, стоны...

* Г а р п и я – баснословное существо древних греков – мучитель, истязатель, кровопийца; Медуза Горгона – в греческой мифологии крылатая женщина, со змеями вместо волос, взгляд которой превращает человека в камень.

А уж смрад такой стоит,
Будто где назём горит.
– Убедился? – Алексею
Всехранитель говорит. –
Я уж к ней и так, и сяк –
Не могу унять никак!
На тебя одна надежда –
Ты у нас на всё мастак.
Я ж пойду – передохну.
Истомился...

Ну и ну!
Алексей не думал всё же,
Что немедля дело может
Оборот такой принять.
Как ему Натасс унять?!

Тут подумалось Алёхе:
«Чем справлять чужие охи,
Не умней ли будет взять
И нырнуть в свою кровать?».

Только он домыслил слово,
Перед ним кровать готова,
Рядом стол и табурет,

И в окошке лунный свет;
Луч его на половицах
Тонкой льдинкой серебрится...
Уж такой родной уют...

Вот часы двенадцать бьют...
С неширокого припечка*

* П р и п е ч и к – пристроенная к русской печи тёплая лежанка.

Сонно бабушка встаёт
И с тревогою сердечной
Внука милого зовёт...

Растерялся Алексейка –
Тут попробуй не сробей...
Знать, коварная злодейка
Прозорливостью своей
За короткую минуту
Поняла в парнишке смуту,
Вот и строит миражи –
Для затмения души...

...Страхом полнится избушка...
Перепуганной старушке
Не до сна! Какой тут сон?!
Из тепла стремится вон...
Алексей кричит ей вслед,
Только голоса-то нет!
Он тогда спешит за нею...
Но!
Внезапно гаснет бред...
И стоит он взаперти
У чудовища в клети!

И взялась Натасс глазасто
Озирать со всех сторон
Лёшку.
Дескать, ей неясно,
Кто к ней в клетку заточён?
А в глазах её такая
Тлея ненависть нагая,
Словно в каждом не у дел
Сторожной холуй сидел.

От её лихой затеи
Тошно стало Алексею.
Плюнул парень и как раз
Угодил ей прямо в глаз.

Ложь на этакую смелость
Медным заревом зарделась.
А пока в ней жар кипел,
Алексей понять успел,
Как, не жертвуя собою,
Сладить с этой сатаною!

Он неспешною рукой
Вскинул обруч над собой
И велел:
— А ну, хозяйка,
Мигом в обруч полезай-ка!
Становись пока что мной,
Я ж заделаюсь тобой.
Твой секрет подстерегу,
Да смотри, чтоб ни гугу!
Будешь ты на стороне
Делать всё, что нужно мне!
И хитрить не вздумай!
Слышишь?!

Ничего тут не попишешь,
Не отвергнешь ничего —
Волшебство есть волшебство!

Алексей же той минутой
Сотворился ведьмой лютой,

А покорная Натасс
Вон из клетки убралась
Юрким пуганым ужом,
Где восстала Лунышом.

Перекидыш этот новый
(на любой приказ готовый)
Озадачил разум свой
Алексеевой нуждой.
Он, исполненный угоды,
Сотрясая воплем своды,
Из подвала за порог
Изо всех пустился ног.
А в словах его – Учитель,
Помогите, помогите! –
Было столько естества:
Алексей и сам едва
Не поверил в то, что он
В мир чудовищем рождён.

И опять через минуту
Во дворце вскипела смута,
Суматоха поднялась:
Дескать, хитрая Натасс
У Луныша (во дела!)
Обруч дивный отняла!!!

Жутью страсти раздувались,
Нагнетались, обострялись...
Стоны, вопли...
Наконец,
Изнеможился дворец!

Вот, тревогою объаты,
Призадумались палаты;
Наступила тишина
То ли дрёмы, то ли сна?..

Алексей, томясь в тоске,
Пятна счёл на потолке,
Почесался, повозился
И себе поспать свалился.

Лишь немного задремал,
Кто-то – чу! Вошёл в подвал!
То ль монах, не то подъячий –
Клобуком до пят укрыт;
Тихо, шёпотом горячим
Алексею говорит:
– Эй! Любезная Натасс!
Почивать не пробил час...

Но разумный Алексейка
Не спешит раззявить глаз.
Смотрит, помня строгий чур,
На вошедшего вприщур.
А «монах» давай ругаться:
Дескать, хватит представляться!
Без того сжимает дых
Мне от хитростей твоих!

Алексей весьма дивится –
Слышит: голосом девицы
«Постриженник»* говорит.

*Постриженник – тот, кто принял пострижение; монах.

Тут всю Алёшка зрит!
Видит: плотным покрывалом
Стан отшельницы укрыт,
А вот ликом небывалым
Словно маков цвет горит!
И притом такая стать! —

Невозможно не признать
В ней подругу — ишь как вольно
Ей злодейку попрекать!
Тут лукавить будет сложно,
Но, коль ей не подыграть,
Будет просто невозможно
Тайну лунную узнать.

«Ладно, я тебя потешу, —
Размышляет Алексей, —
Вот возьму да и опешу
Перед дерзостью твоей».

Он притворно зазнобился,
В уголок клетки забился —
Дескать, ты уж извини,
Что угодно, поясни.
Я-де с каждым днём хужаю —
Забываю всё, что знаю,
Ты поэтому со мной
Обращайся, как с больной.

Но красе не поглянулась
Алексеева придурость.
— Ну, довольно! — говорит, —
Изворотливость претит

Мне твоя!
И знай, что боле
По твоей не стану воле
Я вводить моих лунян
Лживой маскою в обман!

Помню, как ты с умилением
Эту маску в день рожденья
На лицо надела мне.

Безобидное вполне,
Праздничное подаренье
Обернулось обреченьем –
Потому, что маску вспять
Не могу сама я снять.

Знать, была твоим коварством
Мне личина вручена,
Чтоб твоим лишь только царством
Управлялась вся Луна!

Сколько я тебя молила
Снять с меня личину* прочь,
Ты же всякий раз твердила,
Что не в силах мне помочь.
Ты клялась мне днём и ночью,
Что лицо своё воочью
Я сумею увидеть
Лишь в глазах того, кто срочно
Должен деревом восстать.

Бредням я твоим внимала:

* Л и ч и н а – маска, накладная рожа.

Много раз я убеждала
Уходящих в Сад Отца
Показать меня с лица.
Но они лишь только смели
Прочь с меня личину снять,
Тут же слепли и немели...

Мне давно пора понять
То, что истинный мой вид
Пустоцвет в Саду творит!
Что за притча-небылица
На лице моём гнездится,
В чём её дурная суть,
Если даже тем, сестрица,
Кто готов к Отцу явиться,
На меня нельзя взглянуть?

Но кончаются страницы
Дней твоих.
А с их концом
Перед всеми появиться
Я обязана лицом!
Но лишь стоит снять мне маску –
Грянет страшная развязка!
Всех как есть сразит тогда
Слепота и немота!

Если же тому случиться,
Всяк лунянин устремится
В Сад Великого Отца,
Чтобы вновь переродиться
Через дерево в юнца.

Но едва ль им повезёт
Сделать жизни оборот –
Что, помимо пустоцвета,
Сад Отца произведёт?!

Значит, ты своей кончиной
Всех решила уморить,
А выходит, что причиной
Мне тому придётся быть?!

Знай, твоей коварной воле
Я свершиться не позволю!
Чтобы жить моей Луне,
Опочить пора и мне!
Меры я иной не знаю,
Но позволь же, умоляю,
Перед тем как умереть,
Мне лицо своё узреть.

Я понятия не имею,
Что там кроется под нею,
Ангел или же злодей,
Под личиною моей?

Нынче ж всё, что ни потребно,
Силой обруча волшебной
Ты способна сотворить...
«Что же... Так тому и быть!» –
Алексей себе смекает.
И пред маской поднимает
Обруч зеркалом.
Глядит на её прекрасный вид
Сам с обратной стороны...

Из-за дымной пелены,
Что внезапно накатила –
Лик пригожий замутила,
Поначалу ничего
Не увидел взор его.
Но, с минутою-другою,
Алексей перед собою
Вдруг такое разглядел –
Разом чуть не поседел.

Забрала мальчика истома:
По ту сторону проёма
Перед ним живая мразь
Из девицы поднялась!
Описать – не хватит силы:
Словно демон из могилы,
Где томился сотни лет,
С гневом вырвался на свет!

Лёшку страхом зазнобило,
Будто в прорубь опустило,

Чтоб себя не «утопить»,
Алексей собрался с силой –
– Кто ты? – всё-таки спросить.

А девица в раздраженье –
Своего лица, небось,
Ей в зеркальном отраженье
Опознать не довелось –
Молвит с горечью в ответ:
– У тебя, похоже, бред?!

Иль забыла, что химеры*
Мне показывать не след?!
Как осмелилась, сестрица,
Ты над Правдою глумиться?
Мало, знать, тебе лунян,
Тех, что вводишь ты в обман?
Я смотрю, и на меня ты
Норовишь наслать дурман?!
Вновь дурит обычай твой
Пред моею красотой?!

И пока она корила
Криводушье за подлог,
Лёшку вроде просквозило
От трусливости чуток.
Всё ж он понял то, что ноги,
Если не позвать подмоги,
Сами могут сигануть**
От страстей в обратный путь.
Взялся он соображать:
А кого ж в подвал позвать?
Вряд ли подлинным Лунышем
Тут возможно рисковать.
Обруч обручем, но всё же,
Вдруг узрев её портрет,
Тот в Саду Великом тоже
Превратится в пустоцвет?!

Звать, похоже, для затеи
Злыдню надобно скорее,

* Х и м е р а – вымышленное чудовище: перед львиный, середина козлиная, зад змеиный.

** С и г а н у т ь – рывок с места, прыжок, дать стрекача.

Но исправно ли Натасс
Лёшкин выполнит приказ?!

Не особенно толковый
Был тот замысел бедовый,
Только в этот раз ему
Ничего как есть другого
Не приладилось к уму,
И поэтому пришлось
Положиться на авось.

Лёшка обруч поднимает
И тихонько призывает:
– Встань, Натасс, передо мной,
Словно лист перед травой!

И секунды не мелькнуло,
Ровно с матицы* стряхнуло:
Перед Лёшкой поднялась
Лунным отроком Натасс,
Изготовлена в мгновенье
К исполненью повеленья.

Тут Алёшка поясняет,
Дескать, надобно учесть,
Он теперь сестёр желает
Видеть прежними, как есть.
Без причуд, без колдовства –
Лишь в обличье естества.

И тогда в глухом подвале,
Кто есть кто – не разберёшь –
В клеть вошли и рядом стали,

* М а т и ц а – потолочная балка.

Красотою заблистали
Правда чистая и Ложь!

Но Алёшкой эта схожесть
Принялась, как страшный сон;
Вновь меж Правдою и Ложью
Поднимает обруч он...

Поначалу с прежней силой
Гарь клубами накатила,
Вновь внимание его
Не узрело ничего,
Но с минутою-другою
Лёшка видит пред собою:
Из сестриц прекрасных мразь
Вновь такая поднялась —
Обруч даже зазнобило:
Ровно бесы из могилы,
Где томились сотни лет,
С гневом вырвались на свет!

Впрочем, девицы и сами
Еле справились с глазами,
Что же языком болтать —
Тут бы надо подождать...

Знать, родимые сестрицы
Ныне истинные лица
Так вот — со глазу на глаз —
Увидали в первый раз;
Видно, вековое зло
Столько скверны нанесло!

Потому-то, в самом деле,
Сами вроде онемели,
Были охи лишь слышны:
— До чего же мы страшны!

Алексею надоела
Эта лунная химера.
Он, к тому ж, успел устать
Обруч на весу держать.

Опустил его. И что же?
Сёстры наново пригожи!
Снова поднял: эка жуть —
Даже нету сил икнуть...

Тут явись к нему догадка,
Правомерная вполне,
Видно, ладу и порядка
Нет на матушке Луне,
Оттого,
Что сёстрам врозь,
А не рядом жить пришлось.
И понятно: им друг дружку
Полюбить не довелось.

Хватит сёстрам враждовать,
Знать, пришла пора понять:
Чтоб не стать Луне пропащей,
Правде надо быть щадящей;
Чтобы выжила Луна,
Ложь святою стать должна!
Потому им до зарезу
Дружба верная нужна.

Если я соображеньем
Истину постиг, тогда
Навсегда (моим решением)
Минет лунная беда!

Понял я: творить преграды
Между сёстрами не надо.
Чтоб обеим жить в чести,
Мир и совесть обрести,
А вражду навек забыть!

Значит, так тому и быть!

Тут Алёшка, не робея,
Вскинув обруч над собой,
Молвил:

— Пусть моя идея
Правит лунною судьбой!
Оставайтесь обе статны,
И пригожи, и понятны,
Совестью наделены —
Всем пригодны и важны —
Это вам подарок мой!

Ну а мне пора домой...

...Мышь сухариком шуршит,
У печи бабуля спит...

А в избе на половицах
Лунный мальчик серебрится...
Тем же трепетным огнём
Обруч светится при нём.

Словно мартовской капелью
Или жаворонка трелью
Нарушается покой:
— До свиданья, брат земной! —
Говорит он.
И в мгновенье
Исполняется решение:
Исчезает он.

Тотчас
Бьют часы двенадцать раз —
Алексейка засыпает...

Вот и кончен мой рассказ.

СОДЕРЖАНИЕ

Про кота.....	5
Небылица о княжне да о старом колдуне.....	27
Царь Матвей да князь Аггей <i>Строгая сказка</i>	52
Муха <i>Добрая сказка</i>	78
Шут гороховый.....	95
Луныш.....	119

